

Джон Ле Карре

Война в Зазеркалье

Часть сборника
Шпион, пришедший с холода.
Война в Зазеркалье (сборник)

Джон Ле Карре
Война в Зазеркалье
Серия «Джордж Смайли», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119366
Шпион, пришедший с холода. Война в Зазеркалье: [сборник]: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-083871-4

Аннотация

«Война в Зазеркалье» – увлекательная и в какой-то степени трагикомическая история о начинающем агенте спецслужб, который попадает в эпицентр борьбы двух конкурирующих разведывательных департаментов. Он – один среди врагов. И это – тот случай, когда миссия действительно невыполнима...

Содержание

Предисловие	4
Часть I	7
Часть II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джон Ле Карре

Война в Зазеркалье

Посвящается Джеймсу Кеннауэю

Я не против быть пешкой, только позвольте мне тоже сыграть.
— Алиса —

Переноска очень тяжелых предметов, таких, например, как чемоданы или дорожные сундуки, непосредственно перед отправкой радиогаммы делает мышцы предплечья, кисти и пальцев слишком нечувствительными, чтобы производить качественные сигналы азбукой Морзе.

Ф. Тейт. Полный курс обучения азбуке Морзе. Издательство «Питман», Лондон

Предисловие

Июль 1991 года

Любой писатель, который воображает, что ему уже удалась творческая карьера, — дурак, игрушка в руках моды и обстоятельств. На самом деле у него есть всего лишь его книги, и он обладает собственными художественными критериями, которые, если он вообще на что-то годится, гораздо более строги, чем суждения других людей.

Я усвоил этот горький урок на собственной шкуре с романом «Война в Зазеркалье», который написал вслед за «Шпионом, пришедшим с холода». Он был встречен сообществом литературных критиков Великобритании так насмешливо, что, прими я это слишком близко к сердцу, мне пришлось бы подумать о смене профессии — стать, например, мойщиком окон или на худой конец газетным обозревателем новинок литературы.

После успеха «Шпиона» я почувствовал, что заслужил право экспериментировать с более тонкими и хрупкими элементами шпионского романа, чем те, к которым я прибегал до сих пор. Поскольку правда заключалась в том, что в реальности профессия разведчика, которая знакома мне не понаслышке, отнюдь не подразумевает участия в дьявольски хитрых операциях и заговорах, ставших ловушкой для героя и героини «Шпиона». Меня теперь переполняло желание найти способ описать всю ту частую неразбериху и повседневную рутину шпионажа, в гораздо большей степени отражавшие действительность. Более того, я даже посчитал своей обязанностью сделать это, потому что, хотя «Шпиона» и провозгласили книгой, срывавшей все и всяческие маски со шпионского бизнеса, на мой взгляд, она, наоборот, придала ему излишний блеск и чуть ли не ореол святости. Блистательный ум Шефа британской разведки был описан в тонах горячего поклонника руководства спецслужб, а одновременная гибель у Берлинской стены моих обреченных с самого начала влюбленных могла потraфить пристрастиям самых романтически настроенных читателей.

Ну уж на этот раз, подумал я, нужно описать суровую правду жизни. Пусть мне это дорого обойдется, но я покажу, что на самом деле наши спецслужбы далеко не так хороши; что они продолжают держаться во многом за счет той славы, которую справедливо заслужили в годы войны; что они питаются островными фантазиями столь небольшой в общем-то страны, как Англия; что они изолированы от общества, лишены разумного руководства, слишком ограждены от критики и потому в конечном счете идут к саморазрушению.

Подобное повествование, если мне удастся правильно его построить, станет рассказом не только о самом британском разведывательном сообществе шестидесятых с его внутренними склоками и мелкими предательствами, классовыми различиями и одержимостью не допустить на своих колониальных территориях того, что виделось грубым вмешательством уродливого старшего брата – этого американского гоблина. Оно сможет вобрать в себя портретные черты этой самой «маленькой Англии» времен Суэцкого кризиса; той Англии, которую со смехом рвали на части комики из «Переходя пределы»¹ и революционная, лившаяся из народных глубин музыка «Битлз». Иными словами, я хотел использовать шпионскую историю, чтобы написать *roman noir*, в котором британские спецслужбы будут изображены в виде своего рода политической сомнамбулы, все еще не пришедшей в себя после великой победы, не уверенной, борется она против русских или немцев, но продолжающей бороться, поскольку прекратить – значит проснуться. А потому «Война в Зазеркалье» призвана была стать намеренным уходом в сторону от героики «Шпиона», чуть ли не пародией на него.

Причем моя ошибка, как я теперь понимаю, состояла не в том, что я слишком далеко ушел по этой опасной дорожке. Сейчас я вижу, что мне вообще не стоило вставлять в подобный сюжет Цирк и Джорджа Смайли. Не было необходимости прислушиваться к рекомендациям моего американского редактора, пусть это и был талантливейший Джек Джогеган. Не следовало сдерживать остроты своих критических выпадов. И лучше всего было бы поместить департамент туда же, где, по моему убеждению, находилась в тот период сама Британия, которая непостижимым образом ухитряется существовать там же по сей день: в тумане самообмана и классового чванства, в наивном убеждении, что «никогда нам еще не жилось так хорошо». Но при этом в окружении предполагаемых внешних врагов – континентальной Европы, русских и почти всех остальных держав мира, с одной стороны, и в иллюзорной убежденности, с другой, что наш остров сможет вечно жить за счет как колониального наследия, так и подачек богатых американских кузенов.

Но мои британские рецензенты совершенно не поняли шутки. А если поняли, то она не показалась им хотя бы чуточку смешной. Им хотелось «Пасхального шпиона», «Рождественского шпиона», «Новых походов Алека Лимаса». Они готовы были принять все, кроме плохих и печальных новостей. И сначала книга обрела признание среди людей, которые знают нас извне: в Европе и, что особенно меня порадовало, в Америке, где Джон Кеннет Гэлбрайт написал, как мой роман вызвал у него живые воспоминания о провалившемся вторжении в заливе Свиней. А по отзыву Аллена Даллеса, который лишь незадолго до него покинул пост директора Центрального разведывательного управления, именно так все и обстояло в мире шпионажа. Но в Великобритании, по крайней мере на первых порах, мне пришлось смириться с горьким разочарованием многих читателей и откровенными издевательствами критики. Я был сильно уязвлен, но как-то сумел это пережить. Причем точно так же, к моему удивлению, выжила и книга, постепенно начавшая приобретать все большую популярность среди моей читательской аудитории.

Конечно, это грустная книга, но, перелистывая ее сейчас, я нахожу в ней и своеобразную прелесть. Писал я ее на острове Крит, куда бежал от излишней шумихи, вызванной публикацией «Шпиона», и в надежде спасти свой брак, которому нанес немалый урон мой первый литературный успех. Тоскуя на уединенном критском мысе, чувствуя себя немного потерянным, я, видимо, поневоле проникся теми же ощущениями несбыточной любви, которые испытывают два моих основных мужских персонажа: Эвери к ставшей для него чужим человеком жене и Лейсер – к миру, которого больше не существовало.

И даже сейчас мне трудно самому судить, насколько хорош или плох роман. Возможно, как заметил Джозеф Конрад об одном из своих героев, он вместил в себя так много, что под

¹ Телевизионное шоу.

этой тяжестью ему трудно удержаться на ногах. Знаю только одно: это честная книга и, быть может, даже смелая. Но важнее всего, что ничего лучше я бы тогда написать не смог.

Часть I

Попытка Тейлора

Здесь покоится дурак, который пытался обжужить Восток.
Киплинг

1

Летное поле покрывал снег. Его принес с севера вместе с туманом ночной ветер, от которого пахло морем. И теперь он останется здесь на всю зиму, покрывая серую землю пятнами ледяной колючей пыли, не оттаивая, но и не смерзаясь окончательно, все время одинаковый, как пейзаж без смены времен года. А сверху будет то зависать, то перемещаться туман, похожий на пороховой пушечный дым, поглощая то ангар, то будку с радаром, то силуэты самолетов, чтобы затем снова открывать их по частям, — этот лишенный цвета темный остров на фоне белой пустыни.

Это была сцена, лишенная глубины, перспективы и даже теней. Земля полностью слилась с небом, фигуры людей и здания застыли на холоде, как предметы, вмержшие в льдину.

Позади поля аэродрома не было вообще ничего — ни дома, ни холма, ни дороги, ни хотя бы ограды или дерева, только небо, тяжело давившее на дюны, похожее на тот же туман, собравшийся вдоль грязи берега Балтики. Если горы и были, то где-то в глубине материка.

Группа детей в школьных фуражках собралась у длинного обзорного окна, болтая между собой по-немецки. На некоторых были лыжные костюмы. Тейлор с унылым видом смотрел мимо них, держа бокал затянутой в перчатку рукой. Какой-то мальчишка повернулся, уставился на него, покраснел и что-то зашептал остальным школьникам. Те при-молкли.

Тейлор посмотрел на часы, описав рукой широкую дугу отчасти для того, чтобы отдернулся край рукава плаща, отчасти потому, что такая была у него манера: в ней ощущался стиль человека военного — известный полк, хороший клуб, опыт боевых действий за плечами.

Без десяти четыре. Самолет задерживался уже на час. Скоро через громкоговорители им придется объявить о причине опоздания. «Интересно, что скажут? — подумал он. — Вероятно, что вылет был отложен из-за тумана». Они скорее всего и не знали, а если знали, то не признались бы в том, что лайнер на двести миль отклонился от положенного курса и пролетал южнее Ростока. Тейлор покончил с напитком и повернулся, чтобы поставить пустой бокал. Приходилось признать, что некоторые из иностранных спиртных напитков, какие можно было попробовать только в странах, где их производили, оказывались вполне приличными на вкус. Если ты привязан к одному месту и должен скоротать пару часов, а за окном десять градусов мороза, «штайнхегер» придется в самый раз. По возвращении он непременно попросит выписать несколько бутылок для бара «Эйлиес-клуба» — парням он понравится.

Громкоговоритель загудел, издал громкий свист и наконец заработал как следует, когда его настроили. Дети с любопытством уставились на него. Сначала прозвучало объявление по-фински, затем по-шведски и только потом по-английски. Компания «Северные авиалинии» приносила извинения в связи с задержкой прибытия чартерного рейса номер два девять ноль из Дюссельдорфа. И ни слова о причинах, ни намек, надолго ли задерживался самолет. Они наверняка не имели соответствующей информации.

Зато Тейлору было известно все. Интересно, подумал он, что произойдет, если он небрежной походкой подойдет к этой бойкой маленькой сотруднице аэропорта, сидящей в стеклянной кабинке, и скажет: рейс два девять ноль задержится еще на какое-то время, моя дорогая, потому что самолет сдуло с намеченного курса сильным северным ветром с Балтики, и маршрут, проложенный штурманом, пошел к чертям собачьим. Девушка ему, конечно, не поверит. Решит, что он ненормальный. Но чуть позже поймет свою ошибку. До нее тогда дойдет, что он – не обычный пассажир, личность неординарная.

Стало темнеть. Теперь уже земля казалась светлее неба: взлетно-посадочные полосы выделялись среди снега серыми дамбами, подсвеченными янтарным светом сигнальных огней. В ближайшем к терминалу ангаре неоновые лампы тускло освещали людей и самолеты. Земля под окном неожиданно сверкнула, когда по ней пробежал луч прожектора с диспетчерской башни. Откуда-то из подсобных построек слева выехала пожарная машина и встала рядом с тремя микроавтобусами «Скорой помощи», уже припаркованными приблизительно по центру полосы. Они одновременно включили свои синие проблесковые маячки и, выстроившись в ряд, настойчиво посылали вокруг свои предупреждающие сигналы. Дети тут же заметили это и принялись оживленно обсуждать между собой.

Громкоговорители снова разнесли по залу голос сотрудницы аэропорта, хотя со времени первого объявления прошло всего пять минут. Школьники умолкли и стали слушать. Прибытие рейса два девять ноль откладывается по меньшей мере на час. Более подробной информации пока нет. В тоне девушки слышались едва уловимые нотки удивления и озабоченности, которые, однако, не остались незамеченными небольшой группой людей, располагавшихся в другом конце зала. Пожилая дама что-то сказала мужу, встала, взяв свою сумочку, и присоединилась к группе детей. Какое-то время она лишь бессмысленно вглядывалась сквозь окно в сумрак. Не удовлетворившись этим, она затем повернулась в Тейлору и спросила по-английски:

– Что там такое с самолетом из Дюссельдорфа? – Горловые звуки ее негодующей реплики выдавали уроженку Голландии.

Тейлор помотал головой.

– Возможно, всему виной снегопад, – ответил он отрывисто, как и положено человеку военному.

Толкнув дверь на пружинах, Тейлор спустился в холл первого этажа. Рядом с основным входом ему бросилась в глаза вывеска с эмблемой «Северных авиалиний». За стойкой сидела очень симпатичная девушка.

– В чем проблема с рейсом из Дюссельдорфа?

У него была доверительная манера общения; по мнению многих коллег, он умел найти подход к молодым женщинам. Девушка улыбнулась и пожала плечами.

– Думаю, все дело в снегопаде. Осенью у нас из-за этого часто случаются задержки рейсов.

– Почему бы вам не связаться с начальством? – Он кивнул на стоявший перед ней телефон.

– Они сами передадут всю нужную информацию по системе оповещения, как только что-то станет известно, – сказала она.

– Кто у них шкипер, милая?

– Извините, не поняла?

– Кто у штурвала? Как зовут командира корабля?

– Капитан Лансен.

– Он хороший пилот?

Девушку его вопрос даже как будто шокировал.

– Капитан Лансен – очень опытный летчик.

Тейлор оглядел ее, усмехнулся и сказал:

– По крайней мере он уж точно везучий летчик, милая.

Да, считалось, что старина Тейлор знает, как общаться с девчонками. По пятницам в «Эйлиесе» ему частенько раздавали комплименты по этому поводу.

Лансен. Странно было слышать эту фамилию, произнесенную случайным человеком. В их конторе такого не могли себе позволить. Там использовались описания, кодовые имена, клички – все, что угодно, кроме настоящей фамилии. «Этот паренек Арчи; наш летающий друг; наш приятель с севера; любитель фотографии». Они даже пускали в ход трудные для запоминания буквы и цифры, которыми человек обозначался в разного рода бумагах, но подлинное имя никогда и ни при каких обстоятельствах не могло прозвучать.

Лансен. В Лондоне Леклерк показал ему снимок: тридцатипятилетний, моложавый мужчина, светловолосый, привлекательный. Наверняка все здешние красотки без ума от него. Впрочем, для чего вообще существуют стюардессы, если не для того, чтобы ублажать пилотов? Никто другой в этот мирок не допускался. Тейлор быстро провел рукой по пальто и на ощупь убедился, что конверт по-прежнему лежал во внутреннем кармане. Ему никогда прежде не приходилось иметь при себе такой крупной суммы. Пять тысяч долларов всего за один полет. Тысяча семьсот фунтов без всяких там налогов за то, чтобы сбиться с курса в районе Балтики. Но следовало иметь в виду, что Лансен, конечно же, не проделывал таких трюков каждый день. Это был особый случай, как подчеркнул Леклерк. Занятно было бы перегнуться сейчас через стойку, сказать этой киске, кто он такой на самом деле, и продемонстрировать пачку купюр в конверте. У него, если честно, никогда не было девчонки такого высокого класса – красивой, юной, длинноногой.

Он снова поднялся наверх в бар. Бармен уже начал узнавать его. Тейлор указал на бутылку «штайнхегера» в центре полки и попросил:

– Плесните-ка мне еще стаканчик, если не трудно. Да, да, из той бутылочки, что прямо у вас за спиной. С вашей местной отравой.

– Вообще-то она немецкая, – уточнил бармен.

Тейлор открыл бумажник и вынул банкноту. Под целлофаном одного из отделений была видна фотография девочки примерно лет девяти с куклой в руках.

– Моя дочка, – объяснил он бармену, и тот ответил дежурной улыбкой.

Его голос менялся в зависимости от обстоятельств, как это бывает у коммивояжеров. Он начинал несколько преувеличенно растягивать слова, когда общался с людьми привычного круга, или, напротив, желал подчеркнуть свое отличие, обычно мнимое, или когда, как сейчас, ощущал нервозность.

А приходилось признать: нервишки у него пошаливали. Он оказался в неудобной и странной ситуации для человека своего возраста и положения: ему, обычному курьеру министерства обороны, поручили оперативное задание. Это была работа для дрессированных свиней из Цирка, а вовсе не для его департамента. Совершенно непривычная миссия, нисколько не похожая на повседневные дела, которыми он занимался. И к тому же где-то у черта на рогах. Как кому-то вообще взбрело в голову построить аэропорт в таком месте? Уму непостижимо. Как правило, ему нравилось бывать за границей. К примеру, когда он навещал старину Джимми Гортон в Гамбурге. Или тот вечер, проведенный в Мадриде. Ему было полезно иногда отдыхать от Джоани. Пару раз он с удовольствием даже смотался в Турцию, хотя не слишком доверял тамошним смуглым рожам. Но все это были легкие прогулки в сравнении с нынешней командировкой. Он привык летать первым классом с сумками на пустом соседнем сиденье, с удостоверением офицера НАТО – высочайший статус! Почти дипломат, ничего не скажешь. Но сейчас все обстояло по-другому и потому активно ему не нравилось.

Впрочем, Леклерк сказал, что это очень важно, а Тейлор никогда не сомневался в его словах. Ему выдали паспорт на чужую фамилию. Пишется Малерби, но читается Маллаби, объяснил сотрудник. Одному богу известно, кто это придумал. Тейлор никак не мог запомнить фамилию по буквам и чуть не наделал ошибок, когда регистрировался этим утром в отеле. Зато командировочные были фантастическими: пятнадцать монет в день на расходы, и никаких квитанций. Правда, он слышал, что в Цирке выделяли семнадцать. Но его устраивали и эти деньги. Можно было хорошо провести время и даже купить подарок Джоани. Хотя она, как всегда, предпочтет получить наличные.

Он, конечно, ей обо всем рассказал. Делать это запрещалось, но Леклерк не был с ней даже знаком. Прикурив, он сделал затяжку и спрятал сигарету внутри ладони, как делают часовые, когда курят на посту. А чего они хотели? Чтобы он отправился в какую-то там Скандинавию, даже не предупредив жену?

Ему стало интересно, зачем приехали сюда эти детишки, которые практически не отличались от окна. Удивительно, как легко болтали они на иностранном языке! Он снова посмотрел на часы, но почти не обратил внимания на стрелки, мимолетным движением проверив конверт в кармане. С выпивкой лучше заканчивать: ему необходима ясность мыслей. «Что сейчас поделявает Джоани?» – подумал он. Наверное, тоже присела со стаканом джина или чего-то еще. Жаль, ей теперь придется работать целыми днями.

Внезапно он понял, что воцарилась полная тишина. Даже бармен замер на месте, вслушиваясь. Старики за столиком тоже напрягали слух, повернув головы в сторону большого окна. А потом и он сам отчетливо различил звук моторов самолета, все еще очень далекий, но приближавшийся к аэродрому. Бросился к окну и был уже на полпути к нему, когда ожили громкоговорители. После первых же слов по-немецки дети всполошились, как стайка голубей, и кинулись к лестнице, ведущей на первый этаж. Компания, сидевшая за столом, тоже поднялась, женщины принялись натягивать перчатки, мужчины надевали пальто и брались за ручки своих портфелей. Наконец прозвучало объявление по-английски. Лансен заходил на посадку.

Тейлор смотрел сквозь оконное стекло в темноту. Никаких признаков приближавшегося самолета видно не было. Он ждал с нараставшим беспокойством. «Это похоже на конец света, – думал он, – конец всего треклятого света – вот что там происходит. Вдруг Лансен потерпит аварию? Что, если они найдут фотоаппарат?» Как же ему хотелось, чтобы его задание выполнял сейчас кто-нибудь другой! Тот же Вудфорд. Почему они не послали Вудфорда? Или этого умника Эвери с его дипломом колледжа? Ветер заметно усилился – он мог поклясться, что усилился. Это было видно по тому, как его порывы сдували снег, заноса им посадочную полосу, как раскачивались осветительные мачты. Дальше у горизонта ветер взвихривал целые снежные столбы, чтобы потом с яростью их развеять, словно он сам ненавидел созданное им же. Совершенно внезапно в стекло швырнуло целую охапку заледенелых снежинок, и Тейлор невольно отпрянул. Они застучали мелкой дробью, даже деревянная рама дрогнула. Тейлор снова посмотрел на часы. Это стало превращаться в привычку, как будто знание точного времени могло хоть как-то помочь.

Лансену ни за что не посадить самолет в таких условиях. Нет ни одного шанса.

У него замерло сердце. Сначала тихо, а потом сразу во всю мощь зазвучали клаксоны и сирены всех четырех машин одновременно, наполнив это адское летное поле завыванием голодных хищных зверей. Пожар... Видимо, на борту вспыхнул пожар. Но он все равно попытается посадить горящий самолет... Тейлор повернул голову, ища хоть у кого-то ответов на свои вопросы.

Рядом с ним стоял бармен, протирая насухо бокал и тоже глядя в окно.

– Что происходит?! – буквально выкрикнул Тейлор. – Почему включили сирены?

– В плохую погоду их всегда включают, – ответил бармен. – Так положено по инструкции.

– Но почему ему разрешили посадку? – недоумевал Тейлор. – Они могли направить его дальше на юг, верно? Этот аэропорт слишком мал. Такому лайнеру нужно больше места.

Но бармен лишь спокойно покачал головой.

– Все не так уж и скверно, – сказал он, указывая на полосу. – И кроме того, он сильно задержался. Вероятно, у него кончается топливо.

Затем они увидели самолет на краю полосы, его мерцавшие среди снегопада иллюминаторы, лучи его прожекторов, бившие далеко вперед. Он приземлился, вполне благополучно сел, и до них донесся рев двигателей, когда лайнер начал подруливать к подготовленной для него стоянке.

Бар опустел. Тейлор остался единственным клиентом и заказал еще порцию джина. Действовал он строго по предписанию. «Никуда не уходи из бара, – так проинструктировал его Леклерк. – Лансен найдет тебя там. Ему понадобится некоторое время, чтобы оформить полетные формальности и забрать фотокамеру». Тейлор услышал, как внизу школьники запели хором – женский голос доминировал. Какого хрена ему приходится постоянно находиться в окружении детей и баб? Он ведь делал важную мужскую работу, не так ли? В кармане лежали пять тысяч долларов и фальшивый паспорт.

– Сегодня полетов больше не будет, – сообщил бармен. – Они уже закрыли все аэропорты.

Тейлор кивнул.

– И правильно сделали. Там какой-то ужас творится. Просто кошмар.

Бармен неспешно убирал с полок бутылки.

– Никакой опасности не было, – сказал он, словно утешая своего гостя. – Капитан Лансен – очень хороший летчик. – Он замер в нерешительности, не зная, пора ли убирать в шкаф бутылку с «штайнхегером».

– Конечно же, никакой опасности не было, – огрызнулся Тейлор. – А кто здесь говорил о какой-то опасности?

– Выпьете еще? – спросил бармен.

– Нет, но вы налейте себе. Рюмочку за мой счет.

Без особой охоты бармен налил себе джина, а потом запер бутылку в шкаф.

– И все равно поражаешься, как это у них выходит, верно? – заметил Тейлор примирительно, налаживая отношения с барменом. – Ведь в такую погоду они ничего не видят, ровным счетом ни черта не видят. – Он улыбнулся, изображая из себя знатока. – Сидят в кабине и могут с таким же успехом делать все с закрытыми глазами. Я сам однажды наблюдал такое, – добавил Тейлор, вытянув руки перед собой, словно держась за штурвал самолета. – Поверьте, я знаю, о чем говорю... И они погибают первыми, если что-то случается. – Он помотал головой. – Да, надо отдать им должное. Они зарабатывают каждое пенни своего жалованья. Особенно на «птичках» такого размера. Порой ведь все висит буквально на волоске.

Бармен неопределенно кивнул, допил джин, сполоснул рюмку, вытер ее и поставил на полку под стойкой. Потом расстегнул пуговицы на форменном жилете.

Тейлор не двигался.

– Ну вот, – сказал бармен с довольной улыбкой, – а сейчас нам пора по домам.

– Что значит – нам? – спросил Тейлор, округлив глаза и откинув голову чуть назад. – О чем это вы?

Теперь он мог дать волю своему темпераменту: Лансен посадил самолет.

– Мне нужно закрывать бар.

– Тоже скажете, идти домой! Бросьте, налейте мне еще выпить. Сами можете отправляться домой, если вам угодно. А мой дом, так уж получилось, находится в Лондоне. – Он говорил теперь с вызовом, вроде бы и шутя, но с колкой насмешкой. – А поскольку ваши авиакомпания не могут доставить меня ни в Лондон, ни в какое-нибудь другое достойное место до завтра, довольно глупо советовать мне идти домой, не так ли, старина? – Он все еще улыбался, но это была злая улыбка нервного человека, теряющего терпение. – И имейте в виду, приятель, когда в следующий раз захотите выпить за мой счет, вам придется...

Дверь открылась, и вошел Лансен.

* * *

Все должно было произойти совершенно иначе. По крайней мере не так описывал ему эту встречу Леклерк. Оставайся в баре, говорил он. Сядь в углу, закажи выпить. Свободный стул займи пальто и шляпой, словно ждешь кого-то. После приземления Лансен всегда заходит пропустить кружку пива. Ему нравится посидеть среди обычных пассажиров, это в его стиле. Вокруг будут другие люди. Это небольшой городок, говорил Леклерк, но аэропорт никогда не пустует. Он осмотрится в баре, ища, куда бы присесть, а потом совершенно открыто, без экивоков подойдет и спросит тебя, все ли стулья заняты. Ты ответишь, что держал место для приятеля, но тот так и не появился. Он закажет пива, а потом задаст вопрос, кого ты ждал: приятеля или приятельницу? Ты скажешь ему, что это не слишком деликатный вопрос. Вы посмеетесь, а потом начнете серьезный разговор. Не забудь выяснить у него высоту и скорость. Аналитическому отделу могут понадобиться сведения о высоте и скорости полета. Деньги держи в пальто. Он повесит плащ рядом и незаметно заберет конверт, а пленку бросит тебе в карман. Допьешь свой стакан, пожмешь руку, и большой привет. Утром вылетишь домой. В устах Леклерка все звучало предельно просто.

Через пустой зал Лансен направился прямо к нему – высокий и сильный мужчина в синем макинтоше и фуражке. Он бегло бросил взгляд на Тейлора, а потом обратился поверх его головы к бармену:

– Йенс, дай мне пива.

Повернулся к Тейлору:

– А вы что пьете?

Тейлор натянуто улыбнулся:

– Ваш местный джин.

– Налей и ему, чего он хочет. Двойную порцию.

Бармен быстро застегнул жилет, отпер шкаф и подал почти полный стакан «штайнхера». Для Лансена он достал из холодильника и откупорил бутылку пива.

– Вы от Леклерка? – кратко поинтересовался Лансен так громко, что его было слышно во всему баре.

– Да, – ответил Тейлор чуть тише и после заметного замешательства. – Я из лондонской фирмы «Леклерк и компания».

Лансен взял пиво и пошел с ним к ближайшему столику. У него дрожала рука. Оба сели.

– Тогда скажите, какой идиот дал мне подобное задание и инструкции? – спросил он грубо.

– Я не знаю. – Тейлор был откровенно поражен. – Мне неизвестно даже, какие инструкции были вами получены. Здесь нет моей вины. Меня прислали только забрать пленки, и все. Но даже это не моя обычная работа. Я не занимаюсь секретными делами. По профессии я – обычный курьер.

Лансен наклонился вперед, положив ладонь поверх руки Тейлора. Его заметно трясло.

– Я тоже не занимался ничем секретным. До сегодняшнего дня. У меня в самолете были дети. Двадцать пять немецких школьников, летевших сюда на зимние каникулы. Считаю, половина самолета ребятишек.

– Да, – выдавил улыбку Тейлор, – я догадался. Их тут встречала целая делегация. Лансен не мог сдержать эмоций.

– Что именно они искали? Вот вопрос, на который я хотел бы получить ответ. Что такого интересного может быть в Ростоке?

– Говорю же вам: я не имею к этому никакого отношения. – Но потом невпопад добавил: – Леклерк сказал, что это не в Росток, а в районе южнее города.

– В треугольнике южнее: Калькштадт – Лангдорн – Волькен. Не надо мне рассказывать о районе.

Тейлор с беспокойством посмотрел на бармена.

– Думаю, нам не следует говорить так громко, – сказал он. – Этот парень не слишком приветлив. – Он отпил глоток «штайнхегера».

Лансен сделал неожиданный жест, словно пытаясь отмахнуться от чего-то, мелькавшего перед лицом.

– Все кончено, – сказал он. – Я больше не хочу в этом участвовать. Конец. Все шло хорошо, пока я должен был лишь держаться курса и фотографировать все подряд. Но это уже слишком, понимаете? Вся треклятая идея – сплошной перебор и сумасшествие. – Он говорил по-английски правильно, но с таким сильным акцентом, словно страдал дефектом речи.

– Вы сделали снимки? – спросил Тейлор. Ему нужно было забрать пленку и уходить.

Лансен пожал плечами, сунул руку в карман плаща и, к ужасу Тейлора, подал ему через стол тридцатипятимиллиметровую цинковую кассету.

– Так что там такое? – снова спросил Лансен. – Что им понадобилось искать в таком месте? Я опустился ниже облаков, облетел весь район, но не заметил никаких атомных бомб.

– Нечто очень важное. Это все, что мне объяснили. Нечто крупное. У них не было другого выхода, и вы должны это понять. Никакие другие полеты над тем районом невозможны. – Тейлор повторял то, что слышал от кого-то другого. – Это мог быть только официальный лайнер известной авиакомпании. И никак иначе. Без вариантов.

– Но послушайте. Меня засекли, стоило мне лишь приблизиться к тем местам. Два МиГа. Откуда они взялись так быстро? Вот что я хочу понять. Как только я их заметил, снова нырнул в облака, но они последовали за мной. Я подал сигнал, запрашивая координаты. Когда мы поднялись над облачным слоем, они все еще сидели у меня на хвосте. Я подумал, что они прижмут меня к земле и прикажут совершить посадку. Сделал попытку автоматически сбросить фотоаппарат, но его заело. Дети облепили иллюминаторы, махали руками пилотам МиГов. Они шли параллельным курсом еще какое-то время, а потом отвалили в сторону. Но мы летели на минимальной дистанции друг от друга. Все это было чудовищно опасно, особенно с ребятишками на борту. – К пиву он даже не прикоснулся. – Какого лешего им было нужно? – спросил он. – И почему они не вынудили меня сесть?

– Повторяю: я здесь совершенно ни при чем. Это не моя обычная работа. Но что бы ни разыскивали в Лондоне, они наверняка хорошо знают свое дело. – Он уговаривал сейчас в большей степени самого себя; ему необходимо было верить Лондону. – Они не растрачивают время попусту. У них действительно есть там какая-то цель.

Он убежденно хмурил брови, но Лансен, казалось, ничего не слышал и не замечал.

– И они никогда не идут на излишний риск, – добавил Тейлор. – Вы отлично справились с работой, Лансен. Каждому из нас необходимо вносить посильный вклад... И порой рисковать. Нам всем. И мне тоже досталось во время войны, знаете ли. Хотя вы, конечно, слишком молоды, чтобы помнить военное время. Но это такая же работа, мы продолжаем

сражаться за общее дело. – Внезапно он вспомнил о двух вопросах. – На какой высоте вы находились, когда производили съемку?

– На разной. Над Калькштадтом мы снизились до шести тысяч футов.

– Да, Калькштадт интересовал их больше всего, – с пониманием кивнул Тейлор. – Это просто высший класс, Лансен, высший класс. А какова была скорость?

– Двести... Двести сорок. Что-то в этом роде. Но там ничего не было, говорю же вам, ничего.

Он прикурил сигарету.

– Теперь мы с этим покончили, – повторил Лансен. – Какой бы важной ни была цель.

Он поднялся. Тейлор встал тоже и запустил правую руку в карман пальто. Внезапно в горле у него пересохло. Деньги! Где же деньги?

– Поищите в другом кармане, – дал совет Лансен.

Тейлор подал ему конверт.

– У вас будут неприятности из-за случившегося? Я имею в виду МиГи?

Лансен пожал плечами:

– Сомневаюсь. Прежде я не делал ничего подобного. Один раз они мне еще поверят, спишут все на плохие погодные условия. Я сильно отклонился от курса, но это могло быть ошибкой наземных служб. Неверные данные.

– А что ваш штурман? И вообще экипаж? Что думают они?

– Это мои проблемы, – угрюмо ответил Лансен. – Просто передайте в Лондоне, что все кончено.

Тейлор посмотрел на него сочувственно.

– Вы просто перенервничали, – сказал он. – Пережили слишком большое напряжение.

– Идите к дьяволу, – тихо отозвался Лансен. – Чтобы вам всем гореть в аду.

Он отвернулся, положил на стойку монету и вышел из бара, на ходу небрежно записывая в карман плаща длинный пухлый конверт с деньгами.

Несколько секунд спустя Тейлор последовал за ним. Бармен смотрел ему в спину, когда он толкнул дверь и стал спускаться по лестнице. «Неприятный тип», – подумал бармен. Впрочем, ему никогда не нравились англичане.

Поначалу Тейлор решил не брать такси до гостиницы. Он вполне мог прогуляться десять минут пешком и сэкономить на транспортных расходах. Девушка за стойкой авиакомпании кивнула ему на прощание, когда он проходил мимо к главному выходу из здания аэровокзала. Холл первого этажа был отделан тиковым деревом, от пола тянуло теплом. Тейлор вышел наружу. И тут же холод ударом меча вспорол его одежду. Каким-то парализующим ядом он расплылся по мгновенно онемевшему лицу, нащупывая путь за воротник – к шее и плечам. Сразу же изменив решение, Тейлор поспешно огляделся в поисках такси. К тому же он был пьян. Понимание пришло внезапно: как ни странно, на свежем воздухе его развезло. Стоянка оказалась пуста. Ярдах в пятидесяти выше по дороге был припаркован старенький «ситроен» с работающим мотором. Этого счастливирика грела печка, завистливо подумал Тейлор и поспешил вернуться через пружинящие двери внутрь.

– Мне нужно такси, – сказал он девушке. – Не знаете, как мне найти машину?

Оставалось только молить бога, чтобы он нормально выглядел. Это же надо было столько выпить! Не следовало принимать тот последний стакан, который заказал для него Лансен.

Она покачала головой.

– Все такси заняты на развозе детей. Пришлось посадить по шесть ребят в каждую машину, – сказала она. – А полетов сегодня больше не будет. У нас вообще зимой такси очень мало. Это ведь совсем небольшой аэропорт.

– А что там за старая машина на дороге? Быть может, такси? – у него слегка заплетался язык.

Девушка подошла к двери и выглянула на улицу. У нее была потрясающая походка – совершенно естественная, но в то же время соблазнительная.

– Я что-то не вижу никакой машины, – сказала она.

Тейлор посмотрел ей через плечо.

– Там был старый «ситроен». Еще фары горели. Но наверное, уже уехал. Я просто поинтересовался.

«Допился, – подумал он, – машина проехала мимо, а я даже не слышал шума двигателя».

– У нас все такси марки «вольво», – сказала дежурная. – Может, одно и вернется, когда доставит детей. Почему бы вам не пойти и не выпить чего-нибудь?

– Бар закрыт, – усмехнулся Тейлор. – И бармен уехал домой.

– Вы остановились в отеле при аэропорте?

– Да, в «Регине». И мне нужно как можно скорее вернуться. – Говорить стало заметно легче. – Мне должны позвонить из Лондона.

Она с сомнением посмотрела на его пальто. Материал водоотталкивающий, но на подкладке, как говорят, из «рыбьего меха».

– Вы могли бы добраться до отеля пешком, – предложила она. – Это всего десять минут по шоссе. А ваш багаж мы сможем прислать позже.

Тейлор все тем же жестом посмотрел на часы.

– Багаж уже в отеле. Я прилетел сегодня рано утром.

У него было сморщенное, вечно озабоченное лицо, почти как у комика из мюзик-холла, только с вечно грустным выражением. Лицо, на котором глаза казались бледнее своего окружения, а между ртом и крыльями носа пролегли глубокие морщины. Вероятно, осознавая это, Тейлор отпустил самые банальные усики, казавшиеся царапиной на фотографии, но они не только не скрывали дефектов внешности, а лишь подчеркивали их. В результате его облик вызывал недоверие, но не потому, что казался мошенническим, а как раз из-за неуклюжих попыток ввести в заблуждение, которые никого не обманывали. Кроме того, он скопировал с какого-то давно забытого оригинала странные движения тела. Например, многих раздражала его манера неожиданно по-солдатски выгибать спину, как в парадном строю, словно другая поза ему не подобала. А иной раз он начинал трясти локтями и коленями, в чем было нечто карикатурно-лошадиное. Достоинства же ему добавляла только болезненная твердость, с которой он держал свое маленькое тело, как человек, все время преодолевающий сопротивление сильного ветра.

– Быстрым шагом вы доберетесь туда меньше чем за десять минут, – пояснила дежурная.

Тейлор ненавидел ожидание. Он вбил себе в голову, что ждать могут только люди бесхарактерные. Ему не нравилось, когда посторонние видели, как он чего-то дожидается. А потому он недовольно сжал губы, покачал головой и, не слишком ласково попрощавшись с девушкой, снова шагнул в морозную темноту.

Никогда прежде Тейлор не видел такого неба. Казавшееся необъятным, оно дугой изгибалось к горизонту, проходившему среди заснеженных полей, и лишь местами его равномерную черноту нарушали белесые полосы замерзшего тумана, к которым лепились редкие звезды и словно обведенная двойным контуром ущербная луна. Тейлору все это внушило робость, какую внушает человеку сухопутному морской простор. Он ускорил свои не вполне уверенные шаги, чуть пошатываясь из стороны в сторону.

Он двигался в сторону гостиницы уже минут пять, когда его догнала машина. Тротуара для пешеходов предусмотрено не было. Сначала он заметил свет фар, потому что звук мотора заглушал лежавший вокруг снег, но, и увидев светлую полосу впереди себя, не сразу понял, откуда она взялась. Свет сначала по скошенной линии бил в сторону поля, и он решил, что это, должно быть, один из прожекторов аэропорта. Но затем ему бросилось в глаза, как его собственная тень на дороге укоротилась, а свечение сделалось заметно ярче, и он понял, что это может быть только автомобиль. Он шел по правой стороне, неловко переставляя ноги по смерзшемуся гравию, который устилал обочину. Обратив внимание на желтоватый оттенок света, он догадался, что на фарах стояли специальные фильтры, как принято во Франции. Это маленькое умозаключение даже порадовало его, показывая, что мозги все-таки постепенно прояснялись.

Он шел не оглядываясь, потому что был в известной степени человеком стеснительным и не хотел своим видом показать, что напрашивается в попутчики. Но потом с некоторым опозданием его посетила мысль, что в континентальной Европе везде принято правостороннее движение, а в таком случае, строго говоря, он нарушал правила, предписывавшие пешеходам идти навстречу транспортному потоку, и, вероятно, ему следовало пересечь шоссе.

Машина ударила его сзади, переломив позвоночник. Всего лишь на один ужасный момент Тейлор являл собой классическую позу отчаяния, когда его голову и плечи резко швырнуло вперед, а руки с растопыренными пальцами он вытянул перед собой. При ударе он не издал ни стона, ни крика. Словно и его тело, и душа оказались настолько поражены этой внезапной болью, что передать ее не смог бы ни один звук, на который способно еще живое человеческое тело. Вполне вероятно, водитель даже не заметил, что натворил, – до такой степени мягким оказалось столкновение бампера с плотью. Его можно было принять, наверное, за наезд на случайно скопившийся на обочине сугроб.

Машина протащила тело пару ярдов, а потом отбросила в сторону, оставив безжизненную фигуру на краю пустынной дороги. Шляпа упала рядом, но порыв ветра тут же подхватил ее и повлек по снегу в поле. Из кармана пальто, полы которого тоже трепетали на ветру, мягко выкатилась цинковая кассета, попала в небольшую ложбинку у края шоссе и задержалась в ней на секунду, прежде чем скатиться дальше по склону.

Часть II

Попытка Эвери

Есть вопросы, которые никто не имеет права задавать ни одному белому человеку.

Джон Бакан. Мистер Стэндфаст

2

Прелюдия

Было три часа утра.

Эвери положил трубку телефона, разбудил Сэру и сказал:

– Тейлор погиб.

Ему, разумеется, не следовало сообщать ей об этом.

– Кто такой Тейлор?

«Зануда», – подумал он. И вообще он помнил его достаточно смутно. Жуткий английский педант, прямой, как пирс в Брайтоне.

– Наш коллега из общей курьерской службы, – ответил он. – Работал там со времен войны. Надежный сотрудник.

– Ты обо всех говоришь одно и то же. Хороший товарищ, надежный сотрудник. Как же он погиб? Почему? – Она села в постели.

– Леклерк как раз ждет доклада. – Ему не нравилось одеваться у нее на глазах.

– И он хочет, чтобы ты помог ему ждать?

– Он хочет, чтобы я приехал в контору. Я ему нужен. Ты же не думаешь, что я сейчас вернусь в кровать и снова засну, верно?

– Мне уж и спросить нельзя? – обиделась Сэра. – Ты всегда так услужлив с Леклерком.

– Тейлор был нашим ветераном. Леклерк очень обеспокоен. – У него в ушах до сих пор стоял возбужденный и чуть ли не радостный голос Леклерка: «Приезжай немедленно. Возьми такси. Мы заново просмотрим все досье».

– И часто это у вас случается? Я имею в виду, когда люди гибнут. – В ее тоне звучали нотки недовольства, словно ей никто и никогда ни о чем не рассказывал, как будто ей одной смерть Тейлора представлялась чем-то страшным.

– Вот только ты помалкивай. Никому ни слова, – предупредил ее Эвери. Это был проверенный способ избежать дальнейших расспросов. – И даже не заикайся, что мне пришлось уехать из дома посреди ночи. Тейлор совершал поездку под чужим именем, – добавил он. – Кому-то придется поставить в известность его жену.

Он искал свои очки.

Она тоже встала и надела халат.

– Ради бога, оставь эти свои ковбойские замашки. Если каждая секретарша знает, почему не может знать жена? Или им сообщают, только если их мужья погибают? – Сэра подошла к двери.

Она была среднего роста, с длинными волосами, что не совсем подходило к форме ее лица. Сейчас на нем читались тревога и нараставшее напряжение, словно она предвидела, что будущее не сулит ничего хорошего. Они познакомились в Оксфорде, где она училась

гораздо лучше и получила более перспективный диплом. Но постепенно замужняя жизнь выработала в ней детские черты характера, она попала в зависимость от него и приняла ее, но порой напоминала, что пожертвовала ради мужа чем-то очень ценным и могла в любой момент потребовать компенсации. Их сын стал для нее не столько источником радости и ожиданий, сколько оправданием зависимости, стеной от внешнего мира, а не способом связи с ним.

– Куда это ты? – спросил Эвери.

Она частенько намеренно делала что-то, досаждавшее ему. Могла, например, порвать свой билет на концерт, куда они собирались вместе.

– Ты, вероятно, забыл, что у нас есть малыш? – сказала она.

Только сейчас он услышал, как Энтони плачет. Должно быть, громким разговором они разбудили его.

– Я позвоню из офиса. – Он направился к выходу. От двери детской она обернулась, и Эвери понял, о чем она думает: они даже не поцеловались.

– Тебе не нужно было уходить из издательства, – сказала она.

– Та моя работа тебе тоже не нравилась.

– Почему не прислали машину? – спросила она. – Ты говорил, что у них много машин.

– Она ждет за углом.

– Почему, ради всего святого?

– Правила конспирации, – ответил он.

– От кого ты прячешься?

– У тебя есть деньги? У меня кончились.

– К чему тебе деньги?

– Просто чтобы были! Я не могу выходить из дома без пенса в кармане.

Она порылась в сумочке и дала ему десять шиллингов. Быстро закрыв за собой дверь, он спустился по ступенькам на Принс-оф-Уэльс-драйв.

Когда он проходил мимо окна первого этажа, ему не потребовалось даже поворачивать голову, чтобы узнать: из-за шторы за ним наблюдает миссис Йетс, днем и ночью следившая за всеми, кто жил на улице, неизменно держа на руках кошку, чтобы согреться.

А холод пробирал основательно. От реки через парк дул пронизывающий ветер. Он осмотрел улицу в обоих направлениях. Она была пустынна. Ему следовало позвонить в таксомоторный парк в Клэпэме, но уж слишком хотелось побыстрее убраться из дома. Кроме того, он же сказал Сэре, что за углом дожидается машина. Он прошел сотню ярдов в сторону электростанции, но передумал и вернулся. Хотелось спать. У него оставалась странная иллюзия, что даже на улице он все еще слышит, как звонит телефон. Он знал, что одна машина такси почти круглые сутки дежурит рядом с мостом Альберта; лучше всего было направиться туда. А потому ему снова пришлось пройти мимо своего дома в квартале Мэншнз. Он взглянул на окно детской, и, конечно же, из него смотрела Сэра. Она, вероятно, волновалась, прислали ли машину. На руках она держала Энтони, и Эвери догадывался, что она плачет, ведь он так и не поцеловал ее. Ему потребовалось полчаса, чтобы поймать такси до Блэкфрайарз-роуд.

Эвери смотрел на мелькавшие за окном уличные фонари. Он был молод и принадлежал к числу тех современных англичан неопределенного классового происхождения, которые получали дипломы историков искусства, но затем обнаруживали, что они не дают достаточных средств к существованию. Высокорослый, с виду типичный интеллигент со спокойными глазами за стеклами очков, он отличался сдержанной и скромной манерой держаться в тени, которая особенно нравилась старшим. Движение такси убаюкивало, как покачивание коляски успокаивает плачущее дитя.

Машина миновала Сент-Джордж-серкус, потом клинику глазных болезней и оказалась в начале Блэкфрайарз-роуд. Нужный дом возник перед ним и остался позади, потому что он попросил шофера остановиться на следующем перекрестке, – Леклерк настойчиво рекомендовал соблюдать осторожность.

– Да, я выйду на углу, – сказал он. – Здесь будет в самый раз.

Департамент располагался в унылой с виду вилле с потемневшими от сажи стенами, на балконе которой стоял огнетушитель. Казалось, что это один из тех домов, которые вечно выставлены на продажу. Никто не в состоянии был понять, зачем министерству понадобилось возводить вокруг него стену, – возможно, как это делают на кладбищах, чтобы защитить могилы от взглядов праздных прохожих; или же, наоборот, для защиты людей от взглядов мертвецов. Но уж точно не ради сада, где не росло ничего, кроме травы, да и та пробивалась пучками, как облезшая шкура старого бродячего пса. Парадная дверь была окрашена темно-зеленой краской; но ее никогда не открывали. Иногда днем совершенно одинаковые с виду фургоны без всякой маркировки въезжали по неровной дорожке на территорию, но цель их приезда оставалась неизвестной, поскольку все происходило на заднем дворе. Соседи, если упоминали об этом доме вообще, называли его «министерским», что было не совсем верно. Департамент представлял собой отдельную административную единицу, хотя формально и подчинялся министерству². Над зданием витал тот неизменный дух легкой казенной запущенности, который характеризует правительственные учреждения по всему миру. Для тех, кто работал в нем, его тайна была подобна таинству материнства, а секрет выживания уподоблялся загадке выживания самой Англии как государства. Оно укрывало их в себе, прятало от посторонних глаз и – милый анахронизм – казалось чем-то вроде кормилицы.

Эвери помнил его в те дни, когда туман густо лепился к оштукатуренным стенам, и летом, когда солнце ненадолго проникало в его кабинет сквозь тюль, но не особенно согревало. А зимним утром его фасад порой чернел от дождя, и в свете уличных фонарей капли воды блестели на мрачных темных стеклах. Но каким бы он ни рисовал этот дом в своем воображении, для него он не был просто местом работы. Здесь он жил.

Он прошел по дорожке на задний двор, позвонил и дождался, когда Пайн открыл ему. В окне Леклерка горел свет.

Он показал Пайну пропуск. Вероятно, ритуал напомнил обоим военное время, которое Эвери знал больше по чужим и весьма занимательным рассказам, а Пайн испытал на собственной шкуре.

– Красивая нынче луна на небе, сэр, – заметил Пайн.

– Да, красивая. – Эвери вошел внутрь. Пайн задержался, чтобы запереть замок.

– А я помню, как парни на фронте проклинали такие лунные ночи.

– И было за что, – рассмеялся Эвери.

– Слышали о результате матча в Мельбурне, сэр? Брэдли высадили после трех подач.

– Вот беда, – вежливоотреагировал Эвери. Крикет его никогда не интересовал.

На потолке в холле висела лампа под синим стеклом, напоминая ночное освещение больничных помещений. Эвери поднялся по лестнице. Ему было холодно и неудобно. Где-то прозвенел звонок. Странно, но Сэра во сне никогда не слышала звонков их телефона.

Леклерк ждал его.

– Нам нужен человек, – сказал он сразу, причем слова его прозвучали так, словно он только что очнулся.

Свет настольной лампы был направлен на папку, которая лежала перед ним на столе.

Леклерк – невысокий, чуть полноватый, с неброской внешностью, чисто выбритый и холеный – носил короткие жесткие воротнички, а галстуки предпочитал одноцветные, пола-

² Имеется в виду министерство обороны Великобритании.

гая, вероятно, что лучше чуть отставать от моды, чем не следовать ей совсем. Глаза у него были темные и подвижные, он часто улыбался, когда разговаривал, но улыбки эти, как правило, ничего не означали. На рукавах всех его пиджаков имелись отвороты, куда он по привычке засовывал носовые платки. По пятницам он надевал замшевые ботинки, которые сообщали всем, что он отправляется за город. Где он жил, казалось, не знал никто. В его кабинете всегда царил полумрак.

– Больше полетов организовать мы не сможем. Этот был последний. В министерстве категорически против. Нам придется заслать туда своего человека. Я перебрал свою карто-теку, Джон. Есть некто по фамилии Лейсер, поляк. Он справится.

– Что случилось с Тейлором? Кто убил его?

Эвери вернулся к двери и включил верхний свет. Они посмотрели друг на друга, чувствуя некоторую неловкость.

– Извините, я все еще не до конца проснулся, – сказал Эвери.

Они попытались начать разговор вновь, нащупывая его нить.

Первым заговорил Леклерк:

– Вы что-то долго добивались сюда, Джон. Какие-то проблемы дома? – Начальственного тона он так и не освоил.

– Никак не мог поймать такси. Звонил в Клэпэм, но там не снимали трубку. У моста Альберта тоже не повезло.

Он не любил вызывать недовольство Леклерка.

– Вы вправе потребовать возмещения расходов. В том числе и на телефонные звонки по автомату, – рассеянно заметил Леклерк. – С женой все в порядке?

– Я же говорю: никак не мог поймать такси. А дома все отлично.

– Она не возражала?

– Нет, разумеется.

Вообще-то они никогда не обсуждали Сэру. Складывалось впечатление, что оба относились к ней совершенно одинаково, – так дети могут легко передавать друг другу игрушку, если она им успела надоесть.

– Впрочем, у нее есть ваш сынишка, чтобы не чувствовать себя одиноко, – сказал Леклерк.

– Да, вы правы.

Леклерк явно гордился тем, что помнил – у подчиненного был сын, а не дочка.

Он достал сигарету из лежавшего на столе серебряного портсигара. Как-то он рассказал Эвери, что портсигар ему подарили еще на войне. Человек, сделавший подарок, погиб, а по какому поводу был сделан презент, уже забылось: гравировка на крышке отсутствовала. И даже сейчас, признался Леклерк, он не мог с уверенностью сказать, на кого тот человек работал, на чьей сражался стороне, а Эвери рассмеялся, чтобы доставить ему удовольствие.

Взяв со стола папку с досье, Леклерк подставил ее прямо под свет лампы, словно хотел изучить содержимое досконально.

– Джон, идите сюда.

Эвери подошел, но встал так, чтобы не касаться Леклерка плечом.

– Что бы вы сказали о человеке с таким лицом?

– Даже не знаю. Трудно судить по фотографии.

На снимке он увидел голову юноши – круглую и ровную, с длинными светлыми волосами, зачесанными назад.

– Это тот самый Лейсер. Выглядит нормально, не так ли? Хотя этому фото уже двадцать лет, – добавил Леклерк. – Он имеет у нас очень высокий рейтинг. – С неохотой он положил папку на место, щелкнул зажигалкой и поднес ее к сигарете. – Что ж, – сказал он отрывисто, – мы, кажется, напали на что-то важное. Я понятия не имею, что произошло с Тейло-

ром. К нам пока поступило обычное донесение из консульства, и больше ничего. Выглядит как несчастный случай на шоссе. Кое-какие детали, но никакой конкретики. Такие письма обычно отправляют родным и близким покойного. Из министерства иностранных дел, как только до них дошли новости, тут же прислали нам изображение по телетайпу. Они знали, что это один из наших паспортов. – Он подвинул через стол лист тонкой бумаги.

Эвери просмотрел ее:

– Маллаби? Это был оперативный псевдоним Тейлора?

– Да. Мне теперь нужно будет заказать две машины из министерского гаража, – сказал Леклерк. – Какой абсурд не иметь собственного транспорта! У Цирка огромный парк. – И добавил: – Быть может, хотя бы теперь в министерстве прислушаются ко мне и признают наконец, что мы тоже оперативный департамент.

– Тейлор забрал пленку? – спросил Эвери. – Известно, при нем ли она была?

– Даже у меня пока нет списка обнаруженных при нем вещей, – ответил Леклерк. – Сейчас на все его пожитки наложила лапу финская полиция. Возможно, среди них и пленка. Это небольшая страна, и есть надежда, что они будут придерживаться законной процедуры. В МИДе обеспокоены возможностью неразберихи и скандала, – закончил он небрежно, но так, чтобы до Эвери дошла вся важность проблемы.

– О господи, – вырвалось у него. Это была давняя привычка выражать свои эмоции неопределенно, принятая в их конторе.

Леклерк смотрел прямо на него, уже не делая вида, что все это ему малоинтересно.

– Наш резидент, прикомандированный к МИДу, полчаса назад говорил с помощником министра. Они отказываются ввязываться в это дело. Говорят, что если уж мы являемся частью спецслужб, то нам самим и выходить из затруднения. Кто-то из наших должен отправиться в Финляндию под видом близкого родственника. Они считают это наиболее надежным способом. Забрать тело, личные вещи и привезти сюда. Я хочу, чтобы это были вы.

Эвери только сейчас вдруг снова обратил внимание на фотографии, украшавшие стены кабинета. Парни, сражавшиеся на войне. Снимки висели в два ряда по шесть штук по обе стороны от модели бомбардировщика «веллингтон», довольно запыленной, покрытой черной краской и без всяких опознавательных знаков. Большинство фото были сделаны не в помещении. Сзади Эвери мог разглядеть ангары, а между молодыми, улыбающимися лицами виднелись фюзеляжи самолетов.

Под каждой из фотографий были проставлены подписи, уже порывшие и выцветшие. Некоторые выглядели лихими быстрыми росчерками, другие – видимо, принадлежавшие низшим чинам, – были выведены тщательно и неуклюже, словно человеку нечасто доводилось брать за перо. Причем подписывались не фамилиями, а кличками из детских журналов: Джеко, Шорти, Пип или Лаки Джо. Только Мэй Уэст был в мундире, но с длинными волосами и мальчишеской усмешкой на губах. Им всем явно нравилось сниматься, словно это была редкая возможность собраться вместе и повеселиться, которой могло потом больше и не представиться. Парни в первом ряду удобно уселись на корточки, привыкшие к такой позе в пулеметных башнях, а те, кто стоял, небрежно обняли друг друга за плечи. Между ними не возникло крепкой дружбы, а всего лишь установилась краткая взаимная симпатия, которая после войны, как правило, не имеет продолжения.

Только одно лицо встречалось на всех фотографиях от первой до последней – лицо стройного темноглазого мужчины в шерстяной шинели и вельветовых брюках. Он не носил спасательного жилета и держался чуть в стороне от остальных, словно не принадлежал к общей компании. Он был ниже ростом и старше остальных. Этот человек выглядел уже сформировавшимся. В нем чувствовалась целеустремленность, отсутствовавшая у молодежи на снимках. Это мог быть директор школы, в которой парни учились. Эвери однажды специально всмотрелся в снимки, чтобы проверить, изменилась ли за девятнадцать лет под-

письм Леклерка, но тот, как выяснилось, не расписывался на фото вообще. И он все еще был очень похож на себя прежнего: только под подбородком обозначилась складка да волосы немного поредели.

– Я согласен, но это же будет оперативным заданием, – неуверенно попытался возразить Эвери.

– Само собой. Мы ведь оперативное подразделение, если вы не забыли. – Голова Леклерка при этом чуть заметно дернулась. – Вам выдадут приличные деньги на расходы по проведению операции. Главная ваша забота – забрать вещи Тейлора. Все доставите в Англию лично, за исключением пленки, которую нужно будет передать по одному адресу в Хельсинки. На этот счет получите инструкции отдельно. А когда вернетесь, поможете мне с Лейсером...

– А почему Цирк не может взять это дело на себя? Я хочу сказать, для них такие вещи привычнее и проще.

На лице Леклерка появилась улыбка.

– Боюсь, этот вариант даже не обсуждается. Это наше шоу, Джон: оно полностью в нашей компетенции. Речь идет о военной цели. Мы сами принизим собственное значение, если переложим ответственность на Цирк. Их сфера деятельности – политика и только политика. – Он провел по волосам коротким резким движением, в котором чувствовалось напряжение. – Так что это наша проблема. Хотя бы в этом министерство меня поддерживает. – Это было его излюбленное выражение. – Но я могу послать кого-нибудь другого, если вы против. Того же Вудфорда или еще кого из старой гвардии. Я просто подумал, что вы получите удовольствие. Это важное задание, нечто новое, чем вам еще не приходилось заниматься.

– Нет, конечно, я буду только рад... Если вы настолько мне доверяете.

Леклерку такой ответ понравился. Он сразу сунул в руку Эвери лист синей бумаги для черновиков. Страница была покрыта почерком Леклерка – по-мальчишески быстрым, с округлыми буквами. Сверху он вывел: «Проект» – и подчеркнул это слово. На левом поле проставил свои инициалы – все четыре, а под ними написал: «Рассекречено». Эвери погрузился в чтение.

– Обратите внимание, – сказал Леклерк, – мы сами осторожно не беремся утверждать, что вы ближайший родственник. Мы лишь приводим цитату из заявления Тейлора при обращении за паспортом. МИД согласился на эту небольшую подтасовку, но не более того. Они перешлют копию нашему консулу в том городе.

Эвери прочитал: «Ответ в Консульское управление. Касательно вашего телетайпа относительно Маллаби. В качестве ближайшего родственника при обращении с прошением о выдаче ему заграничного паспорта Маллаби указал своего сводного брата Джона Сомертона Эвери, паспорт номер... Эвери поставлен в известность и дал согласие взять на себя заботу о теле покойного и его личных вещах. Вылетает рейсом 201 „Северных авиалиний“ с пересадкой в Гамбурге. Ориентировочное время прибытия 18:20 по местному времени. Пожалуйста, организуйте встречу и окажите всемерное содействие».

– Я не знал номера вашего паспорта, – объяснил Леклерк точки в тексте. – Самолет вылетает сегодня в три часа дня. Это маленький городок, и я надеюсь, что встречать вас консул приедет лично. Рейсы в Гамбург по расписанию у них через день. Если не возникнет необходимости ехать в Хельсинки, сможете одним из них вылететь обратно.

– А почему я не могу быть его родным братом? – спросил Эвери неуверенно. – Сводный... Это выглядит как-то подозрительно.

– Уже нет времени возиться с фальшивым паспортом для вас. А МИД стал помогать нам лишь в исключительных случаях. У нас с ними было достаточно препирательств из-за нового паспорта для Тейлора. – Леклерк вернулся к просмотру досье. – С МИДом стало чудовищно трудно договориться. А ведь нам бы в таком случае пришлось выдать вам доку-

мент на имя Маллаби, понимаете? Не думаю, чтобы они легко дали согласие. – Все это он произносил как бы между делом, настолько все казалось очевидным ему самому.

В комнате было очень холодно.

– А что с нашим скандинавским другом? – спросил Эвери.

Леклерк посмотрел на него непонимающе.

– Я имею в виду Лансена. Не стоило бы кому-то встретиться и с ним тоже?

– Я сам позабочусь об этом. – Вопрос Леклерку явно не понравился, и он ответил осторожно, словно опасался, что его слова могут попасть в газеты.

– А жена Тейлора? – Эвери показалось проявлением излишнего педантизма называть ее вдовой. – О ней вы тоже позаботитесь сами?

– Я как раз хотел, чтобы мы занялись этим прямо утром, не откладывая. Она не подходит к телефону. А в телеграмме всего не выразить.

– Мы? – переспросил Эвери. – А нам обязательно ехать к ней вместе?

– Но ведь вы же мой помощник, не так ли?

Было слишком тихо. Эвери сейчас очень не хватало звуков транспорта за окном и неумолчных звонков телефонов. Днем повсюду сновали люди, пробегали посыльные, таракатели тележки отдела регистрации документов. Оставаясь наедине с Леклерком, он всегда чувствовал, что ему остро не хватает кого-то третьего. Никто другой не заставлял его так следить за своими манерами, за каждым своим словом, никто не обладал привычкой строить разговор из не связанных между собой фраз. Лучше бы Леклерк дал ему на ознакомление еще какой-нибудь документ.

– Вы что-нибудь слышали о жене Тейлора? – спросил Леклерк. – Она надежный человек?

Заметив, что Эвери не совсем уловил суть вопроса, он добавил:

– Видите ли, она может поставить нас в очень затруднительное положение. Если ей это взбредет в голову. Нам надо быть с ней как можно обходительнее.

– Что вы собираетесь ей сказать?

– Нам придется импровизировать. Как мы это делали во время войны. Понимаете, она же ни о чем не догадывается. Она даже не знает, что он улетал за границу.

– Он мог ей сказать об этом.

– Только не Тейлор. Он был человеком старой закалки. Его четко проинструктировали, и он знал правила. Самое главное, что она будет получать за него пенсию. Безупречная служба, и все такое... – Он сделал еще один порывистый жест рукой.

– А другие сотрудники? Что вы скажете им?

– Сегодня же утром соберу совещание глав отделов. Что же до остальных, то будем придерживаться версии несчастного случая на дороге.

– Возможно, это и был всего лишь несчастный случай, – предположил Эвери.

Леклерк опять улыбнулся, сжав губы в жесткую линию, словно и не улыбался вовсе, а скорее грустно усмехался.

– В таком случае мы просто скажем всем правду, и наши шансы получить пленку тоже заметно возрастут.

На улице под окном по-прежнему не проезжала ни одна машина. Эвери проголодался. Леклерк посмотрел на часы.

– Как я вижу, вы снова просматривали доклад Гортонна, – заметил Эвери.

Леклерк покачал головой и легко погладил папку, словно это был его любимый альбом с фотографиями.

– Отсюда ничего больше не почерпнешь. Я перечитываю его вновь и вновь. Все снимки увеличили для меня до максимально возможных размеров. Люди Холдейна изучали их днями и ночами. Но мы не продвинулись вперед ни на шаг.

«Сэра была права: я ему понадобился, чтобы скрасить ожидание», – подумал Эвери.

Леклерк снова заговорил, причем так, словно в этом и заключался весь смысл их беседы:

– Я организовал для вас краткую встречу с Джорджем Смайли в Цирке сразу после окончания утреннего совещания. Вы слышали о нем?

– Нет, – солгал Эвери. Это была крайне деликатная тема.

– Он был у них одним из лучших. Во многих отношениях типичный представитель Цирка, но в позитивном смысле. Он то увольняется, то возвращается обратно. Совесть у него так тонко устроена, понимаете ли. Поэтому никогда не знаешь, с ними он сейчас или нет. Но он несколько отстал от реальности. Говорят, пьет не в меру. Когда-то работал в отделе Северной Европы. Он вам даст указания, кому передать пленку. Поскольку нашу секретную курьерскую службу расформировали, другого пути нет. В МИДе о нас и слышать не хотят, а после смерти Тейлора я не могу рисковать, позволив вам просто так носить кассету в кармане. Насколько хорошо вы осведомлены о Цирке?

С таким же успехом он мог спрашивать его об отношениях с женщинами – немолодой усталый мужчина, старший товарищ, не успевший набраться опыта в этой сфере.

– Мне известно не очень много, – ответил Эвери. – Так, больше слухи.

Леклерк встал и подошел к окну.

– У них там подобралась занятная компания. Некоторые, конечно, высокочеловеческие специалисты. Одним из них был Смайли. Но в целом это сборище обманщиков, – внезапно резко бросил он. – Знаю, Джон, вам такое определение покажется неуместным по отношению к родственной спецслужбе. Однако ложь у них в крови. Половина из них уже сами не могут разобраться, когда говорят правду, а когда нет. – Он склонял голову то на одну сторону, то на другую, пытаясь разглядеть что-то двигавшееся вдоль улицы. – Омерзительная погода! И нужно добавить, что во время войны у нас с ними часто возникали конфликты.

– Я слышал об этом.

– Но только все уже в прошлом. Я не держу на них зла. Каждый делал свою работу. У них всегда было больше денег и людей, чем у нас. И задания они выполняли вроде бы более важные. Вот только у меня до сих пор остались сомнения, что они справлялись с ними лучше, чем смогли бы мы. К примеру, у них нет ничего и близкого к нашему аналитическому отделу. Ничего.

У Эвери возникло чувство, что Леклерк поделился с ним чем-то глубоко личным, вроде неудачной женитьбы или чьего-то недостойного поступка, с чем он смирился только теперь.

– Когда будете встречаться со Смайли, он может начать задавать вопросы об операции. Вы не должны ему рассказывать ничего, понимаете? Вы всего лишь отправляетесь в Финляндию, и вам, возможно, понадобится срочно переправить в Лондон кассету с фотопленкой. Если он начнет давить, признайтесь, что для вас это часть обучения. Так сказать, практика. И больше вы не уполномочены сообщать никаких подробностей. Вся предыдущая история, доклад Гортонна, наши будущие действия – ничто их никоим образом не касается. Тренировочное задание, и не более того.

– Тут мне все понятно. Но ведь он знает о Тейлоре, верно? Если даже МИД в курсе.

– Предоставьте это мне. И не совершайте ошибку, полагая, что только Цирк может содержать агентурную сеть. У нас столько же прав, сколько и у них. Мы просто не прибегаем к этой практике без особой необходимости. – Последнюю фразу он произнес с нажимом, словно хотел подчеркнуть важность своих слов.

Эвери смотрел на узкоплечего Леклерка, фигура которого четко вырисовывалась на фоне окна, за которым посветлело небо. «Вот человек, который вечно сам по себе существует как бы отдельно от других», – подумал он.

– Нельзя ли нам растопить камин? – спросил он и вышел в коридор, где у Пайна в стенном шкафу хранились щетки и швабры. Там же лежали дрова и кипа старых газет для растопки. Эвери вернулся и встал у камина на колени, а потом, сохранив самые крупные угли, спихнул мелкую золу сквозь прутья решетки, как всегда делал дома на Рождество.

– Я все размышляю, разумно ли было устраивать им встречу прямо в аэропорту? – заметил он.

– Дело было слишком срочное. А после получения доклада Джимми Гортон оно стало просто безотлагательным. Каковым и остается до сих пор. Мы не можем терять время.

Эвери поднес спичку к газете и смотрел, как пламя охватило бумагу. Когда занялось дерево, дым стал плавно стелиться ему прямо в лицо, и в глазах под очками выступили слезы.

– Как смогли засечь полет Лансена?

– Это был обычный чартерный рейс. О нем оповестили заранее.

Подбросив побольше угля в огонь, Эвери поднялся и вымыл руки над раковиной в углу, затем протер их носовым платком.

– Сколько раз просил Пайна повесить мне полотенце, – сказал Леклерк. – У них слишком мало работы, вот в чем проблема.

– Ничего. – Эвери сунул влажный платок в карман брюк и сразу почувствовал, как он холодит ему бедро. – Возможно, теперь работы прибавится у всех, – добавил он без тени иронии.

– Я хочу попросить Пайна установить для меня здесь походную кровать. Превратить эту комнату в своего рода оперативный штаб. – Леклерк говорил осторожно, словно Эвери был в силах запретить ему эти маленькие радости жизни. – Вы можете позвонить мне из Финляндии сегодня вечером сюда же. Если получите пленку, скажите просто: сделка состоялась.

– А если нет?

– Скажете, что сделка не состоялась.

– Очень похожие фразы, – возразил Эвери. – Я имею в виду при помехах на линии. «Состоялась» и «не состоялась».

– Тогда скажите, что вы не заинтересованы. Любые слова в форме отрицания. Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

Эвери взял опустевшее ведро для угля.

– Отдам его Пайну.

Он прошел через комнату дежурных. Офицер в форме военно-воздушных сил дремал у телефонов. По деревянной лестнице Эвери спустился к парадной двери.

– Боссу нужен еще уголь, Пайн. – Привратник поднялся и встал по стойке «смирно» рядом со своей казарменной койкой, как делал всегда, когда к нему обращались.

– Прошу прощения, сэр, но не имею права оставить пост у дверей.

– О, ради всего святого! Я сам присмотрю за дверью. Мы там наверху продрогли до костей.

Пайн взял ведро, застегнул гимнастерку и скрылся в конце коридора. Он изменил своей старой привычке и больше не присвистывал на ходу.

– И ему нужна кровать в кабинете, – продолжил Эвери, когда Пайн вернулся. – Вероятно, вы могли бы передать эту просьбу дежурному, когда он проснется. Да, и еще полотенце. Ему нужно полотенце у раковины.

– Слушаюсь, сэр. Приятно видеть, что наш старый департамент снова оживает.

– Где здесь поблизости мы могли бы позавтракать? Есть что-нибудь приличное?

– Есть «Кадена», – ответил Пайн с некоторым сомнением, – но вот только не знаю, понравится ли там боссу, сэр. – Он усмехнулся. – А в старые-то деньки у нас даже была столовая. Маленькая, но своя.

Часы показывали без четверти семь.

– Когда открывается «Кадена»?

– Даже не знаю, сэр.

– Скажите, вы знакомы с мистером Тейлором? – Он едва не поставил глагол в прошедшее время.

– Да, конечно, сэр.

– А с его женой когда-нибудь встречались?

– Никак нет, сэр.

– Какая она? Вы не знаете? Быть может, слышали о ней что-нибудь?

– Нет, сэр, о ней я ничего не знаю. Грустная вышла история, сэр.

Эвери посмотрел на него с изумлением. «Значит, Леклерк поделился с ним информацией, – подумал он и поднялся наверх. – Рано или поздно ему придется позвонить Сэре».

3

Позавтракали они в другом месте. Леклерк отверг «Кадену», и они бесконечно долго шли, пока не обнаружили другое кафе, хуже «Кадены» и более дорогое.

– Никак не мог его вспомнить, – сказал Леклерк. – Вот ведь абсурд! Но кажется, он обучен обращению с радиопередатчиком. По крайней мере был в те годы.

Эвери подумал, что речь идет о Тейлоре.

– Сколько, вы говорите, ему было лет?

– Сейчас ему где-то за сорок. Отличный возраст. Поляк из Данцига. Они все говорят по-немецки, а это большой плюс. И без завихрений в башке, как у поляков-славян. После войны он пару лет слонялся без дела, но потом взялся за ум и купил автомастерскую. Должно быть, неплохо зарабатывает.

– Тогда он, по всей вероятности, не нуждается...

– Чепуха. Он будет нам благодарен. Должен быть, как я полагаю.

Леклерк расплатился по счету и сохранил его. Когда они выходили из кафе, он говорил о системе возмещения расходов и о том, как важно сохранять счета для бухгалтерии.

– И помните, что имеете право на компенсацию за сверхурочную работу. Как и за совершение обязанностей.

Они пошли вдоль улицы.

– Билет на самолет для вас уже заказан. Кэрл забронировала его из дома. Нам нужно будет выдать вам аванс на расходы. Придется оплатить отправку тела на родину и все такое прочее. Как я понимаю, такие вещи обходятся недешево. Лучше всего будет перевезти его самолетом. Вскрытие произведем без посторонних у себя.

– Я еще никогда не видел трупа, – признался Эвери.

Они стояли на углу в Кеннингтоне, выискивая такси. По одну сторону от них располагался газгольдер³, а по другую – вообще ничего. В таком месте можно было впустую проторчать целый день.

– Джон, вам необходимо будет сохранить наш план в секрете. Я говорю о засылке агента. Об этом никто не должен знать. Даже в департаменте, никто вообще. Мы присвоим ему кодовое имя Майская Мушка. Это я об Лейсере. Будем называть его Майской Мушкой.

– Хорошо.

– Время сейчас не самое подходящее. Уверен, нам будут стремиться вставить палки в колеса как в самом департаменте, так и за его пределами.

– А что по поводу моей «легенды»? – спросил Эвери. – Я не очень-то...

³ Резервуар для хранения газообразных веществ, например, таких, как природный газ.

Такси с поднятым флажком⁴ проехало мимо, даже не притормозив.

– Вот сволочь! – взвился Леклерк. – Почему он не посадил нас?

– Думаю, он живет в той стороне и просто направлялся домой. Так что насчет «легенды»? – напомнил Эвери.

– Вы путешествуете под подлинной фамилией. Так что я не вижу здесь каких-то проблем. Можете и адресом воспользоваться своим же. Назовитесь издателем по профессии. В конце концов вы им когда-то и были. Консул вам подскажет, как себя вести. Что вас так волнует?

– Так, мелкие детали.

Леклерк на минуту вышел из состояния задумчивости и улыбнулся.

– Я вам кое-что расскажу о «легендах», хотя скоро вы все усвоите. Прежде всего никогда не давайте о себе информации сами. Никто и не ждет, чтобы вы им начали рассказывать о себе. С какой стати? Почва подготовлена: консулу мы отправим телетайп. Предъявите свой паспорт и будете действовать по обстановке.

– Я постараюсь, – сказал Эвери.

– У вас все получится, – с энтузиазмом заверил Леклерк, и оба заулыбались.

– Далеко там до города? – спросил Эвери. – От аэропорта?

– Примерно три мили. Это базовый аэропорт в основном для трех горнолыжных курортов. Бог знает, чем там занимается целыми днями наш консул.

– А до Хельсинки?

– Разве я вам не сказал? Сто миль. Быть может, немного больше.

Эвери предложил сесть в автобус, но Леклерк наотрез отказался вставать в очередь, и они так и остались торчать на углу. Его снова увлекла тема официального автотранспорта.

– Невероятно абсурдная ситуация, – сказал он. – В прежние времена у нас была своя квота, а теперь остались только два фургона, причем министерство финансов не разрешает даже платить шоферам сверхурочные. Как в таких условиях я могу руководить департаментом?

В результате им пришлось идти пешком. Леклерк держал адрес в голове: у него вошло в привычку запоминать такие вещи наизусть. Продолжительная прогулка с начальником создавала для Эвери некоторые неудобства, потому что Леклерку приходилось прибавлять шаг, чтобы поспевать за гораздо более длинноногим младшим коллегой. Поэтому Эвери старался себя контролировать, но порой забывался, и Леклерк, пытаясь, ускорял ход, чтобы не отстать. Сеял мелкий дождик. По-прежнему стоял зверский холод.

Было время, когда Эвери питал к Леклерку глубокую и почтительную любовь. Леклерк обладал странной способностью вызывать в другом чувство вины, словно тот мог служить лишь неадекватной заменой какому-то его умершему или уехавшему другу. Кому-то, кто был рядом с ним, а теперь пропал; быть может, даже целому миру, поколению людей, которые создали его таким, а потом оставили на произвол судьбы. Вот почему в какой-то момент Эвери мог ненавидеть его за откровенные манипуляции, за покровительственные жесты, как ребенок не любит снисходительных родительских ласк, но уже через секунду готов был грудью встать на его защиту, чувствуя свою ответственность и незаменимость. Несмотря на все сложности, возникавшие в их отношениях, Эвери был благодарен Леклерку за то, что он взял его под свое крыло, и вот так между ними возникла нежная тяга друг к другу, которая характерна обычно для людей слабых. Один создавал фон, на котором выгоднее смотрелся второй.

– Было бы неплохо, – внезапно сказал Леклерк, – если бы вы взяли на себя часть работы с Майской Мушкой.

⁴ В те годы – сигнал, что машина свободна.

– Я буду только рад.

– Когда вернетесь, разумеется.

Они нашли нужный им адрес на карте. Номер 34, «Роксборо-гарденс». Переулок уходил в сторону от Кеннингтон-Хай-стрит. Вскоре мостовая стала заметно более неровной и грязной, дома теснее лепились друг к другу. Газовые фонари горели желтым светом, плоские, как луны, вырезанные из бумаги.

– Во время войны они даже позволили нам открыть небольшое общежитие для сотрудников.

– Возможно, им придется пойти на это снова, – предположил Эвери.

– Я двадцать лет не наносил подобных визитов.

– Вам приходилось все делать одному? – спросил Эвери и сразу пожалел, что задал этот вопрос. Леклерк был натурой очень ранимой.

– Тогда все было проще. Мы без особых фантазий говорили, что человек пал за отечество. Нам не рекомендовалось сообщать подробности, да их никто и не ожидал.

«Значит, все-таки это были „мы“, – отметил Эвери. – Какой-нибудь парень из числа тех улыбчивых лиц на стене».

– Они погибали каждый день. Наши пилоты. Мы совершали разведывательные полеты, выполняли спецзадания, если вы понимаете, о чем я... Иногда мне так стыдно: я даже не помню всех по именам. А некоторые были такими молодыми.

Перед мысленным взором Эвери промелькнула траурная, трагическая процессия пораженных горем и ужасом лиц – матери, отцы, невесты и жены, – а потом он представил Леклерка в их окружении с выражением сочувствия, но и твердости в глазах, какое бывает у политиков, когда они посещают места бедствий.

Они оказались на вершине холма. Район выглядел на редкость убогим. Улица спускалась к рядам запущенных, словно безглазых домов, над которыми возвышалось единственное высокое многоквартирное здание: «Роксборо-гарденс». Цепочка огней из окон отражалась в покрытой глазурью черепице, снова и снова разделяя все огромное строение на отдельные соты квартир. Это была действительно громадная постройка, даже несколько своеобразная в своей уродливости. Она знаменовала собой новую эпоху, а у ее подножия простерлись неприглядные остатки старой: покосившиеся, облезлые, закопченные домики, мимо которых под дождем мелькали печальные лица намокших под дождем прохожих, походивших на обломки плавника, прибитые волной в угол заброшенной гавани.

Маленькие кулачки Леклерка плотно сжались, он стоял совершенно неподвижно.

– Здесь? – спросил он. – Тейлор жил здесь?

– Да, а что здесь странного? Это часть новой городской планировки, перестройка старых кварталов...

А потом до Эвери дошло. Леклерку снова стало стыдно. Тейлор бессовестно обманул его. Это было совсем не то общество, на защите безопасности которого они стояли. Для этих трущоб с торчавшей в центре местной Вавилонской башней не находилось места в картине мира, каким он рисовался Леклерку. Только вообразите: члену дружной команды Леклерка приходилось тащиться отсюда, дыша вонью и смрадом, в святая святых департамента! Разве ему настолько не хватало денег? Разве не подрабатывал он еще и на командировках, как делали они все, чтобы скопить несколько сотен и подобрать себе более приличное жилье, выбравшись из этой клоаки?

– Здесь ничем не хуже, чем на Блэкфрайарз-роуд, – невольно вырвалось у Эвери – эта фраза должна была послужить утешением.

– Всем известно, что когда-то мы располагались на Бейкер-стрит, – огрызнулся Леклерк.

Они поспешно преодолели остаток пути до входа в многоквартирный дом, пройдя мимо витрин лавчонок, забитых подержанной одеждой и ржавыми электрическими плитками – то есть тем дешевым барахлом, какое покупают только совсем уж бедняки. Среди них бросался в глаза канделябр со свечами, такими пожелтевшими и запыленными, словно его достали из кладбищенского склепа.

– Какой номер квартиры? – спросил Леклерк.

– Вы сказали, тридцать четыре. Но я подумал, это номер дома.

Они прошли мимо массивных колонн, грубо украшенных мозаикой, и дальше следовали, руководствуясь пластмассовыми табличками, на которых розовой краской были написаны номера. Им пришлось протиснуться между старыми автомобилями, и перед ними наконец возник подъезд из железобетона, где на приступке уже стояли привезенные утром картонки с молоком. Дверь отсутствовала. От входа сразу начинался лестничный пролет с прорезиненными ступеньками, поскрипывавшими под ногами. Отовсюду несло кухонными запахами и жидким мылом, которое обычно заливают для мытья рук в туалетах при вокзалах. На густо оштукатуренной стене от руки была сделана надпись с просьбой не шуметь. Где-то работало радио. Они преодолели еще два таких же лестничных пролета и остановились перед зеленой, наполовину застекленной дверью. К стеклу были приклеены цифры из белого бакелита: три и четыре. Леклерк снял шляпу и стер пот с висков. Складывалось впечатление, что он собирался войти в церковь. Дождь был, видимо, сильнее, чем казался. Они это поняли только сейчас, заметив, как промокли их пальто. Леклерк нажал на кнопку звонка. Эвери внезапно овладел испуг; он искоса посмотрел на старшего коллегу, думая: ты опытнее – тебе с ней и разговаривать.

Музыка по радио теперь звучала громче. Они напрягли слух, чтобы различить хоть какие-то другие звуки, но до них не доносилось ничего.

– Почему вы дали ему кодовое имя Маллаби? – неожиданно спросил Эвери.

Леклерк еще раз надавил на кнопку, а потом они оба услышали какой-то вскрик, похожий то ли на плач ребенка, то ли на вой кошки, перешедший в сдавленный металлический стон. Леклерк отступил в сторону, а Эвери ухватился за медную крышку прорези для почты и стал яростно ею стучать. Когда эхо замерло, изнутри донеслись чьи-то нерешительные шаги, задвижка отъехала в сторону, щелкнул пружинный замок. Они снова услышали тот же странный стон. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и Эвери увидел ребенка – худенькую, бледную и вялую с виду девочку, которой едва ли исполнилось десять лет. На ней были очки в металлической оправе, похожие на те, какие носил Энтони. В руках она держала куклу, чьи розовые конечности нелепо торчали в разные стороны, с обшитого хлопковой тканью личика пялились нарисованные глаза. Той же краской был изображен широко открытый рот, но голова болталась под таким углом, словно игрушке сломали шею. Таких кукол называют говорящими, но ни одно живое существо не способно было издавать те металлические стоны, которые исторгались из нее.

– Где твоя мама? – спросил Леклерк. От испуга его голос сделался агрессивным.

– Ушла на работу, – ответила девочка.

– Кто же тогда присматривает за тобой?

Девочка отвечала медленно, словно в этот момент думала о чем-то другом.

– Мама вернется домой к чаю. А я не должна никому открывать дверь.

– Так где она? Куда ушла?

– На работу, говорю же вам.

– А кто кормит тебя обедом? – продолжал расспросы Леклерк.

– Что?

– Кто тебя кормит? – быстро повторил вопрос Эвери.

– Миссис Брэдли. После школы.

– А где твой папа? – спросил Эвери.

Неожиданно девочка заулыбалась и приложила пальчик к губам.

– Он улетел на самолете, – сказала она. – Чтобы привезти денег. Но я не должна никому рассказывать. Это секрет.

Все трое какое-то время молчали.

– Он обещал привезти мне подарок, – добавил ребенок.

– Откуда? – спросил Эвери.

– С Северного полюса, но только это секрет. – Все это время девочка держалась за дверную ручку. – Там живет Санта-Клаус.

– Передай маме, что заходили гости. С папиной работы, – сказал Эвери. – Мы вернемся к чаепитию.

– Это очень важно, – добавил Леклерк.

Казалось, девочка расслабилась, услышав, что эти дяди знали ее папу.

– Он полетел на самолете, – повторила она.

Эвери порылся в карманах и отдал ей две монеты по полкроны из денег, полученных от Сэры. Она захлопнула дверь, оставив их на грязной лестничной площадке, куда доносились звуки навевавшей сон мелодии, которую передавали по радио.

4

Они стояли на улице, не глядя друг на друга. Первым нарушил молчание Леклерк.

– Зачем вы задали ей этот вопрос? О ее отце?

Эвери ничего не ответил, и он добавил совершенно невпопад:

– Дело вовсе не в том, чтобы нравиться или не нравиться людям.

С Леклерком это иногда случалось. Он словно ничего не слышал и не чувствовал, уплывая куда-то в сторону, стараясь услышать какой-то звук, как танцор, который в движении вдруг перестает воспринимать музыку. Обычно в таких случаях на лице у него читались грусть и удивление человека, преданного близким другом.

– Боюсь, уже не смогу приехать сюда с вами позже днем, – тихо сказал Эвери. – Вероятно, Вудфорд будет готов...

– Нет, Брюс не подойдет для такой миссии. – Потом Леклерк поинтересовался: – Но в совещании вы сможете принять участие? В десять сорок пять?

– Да, но едва ли досижу до конца. Мне еще нужно побывать в Цирке и собрать вещи в дорогу. Сэра вообще-то не очень хорошо себя чувствует. Но я пробуду в конторе, сколько смогу. Простите, что задал тот вопрос. Мне жаль, действительно жаль.

– Не хочу, чтобы кто-то узнал об этом. Следует сначала все-таки поговорить с его женой. Быть может, есть простое объяснение. Тейлор был нашим ветераном. Он не мог не знать правил.

– Я никому не скажу, обещаю. Ни об этом, ни о Майской Мушке.

– Мне все равно придется уведомить о Майской Мушке Холдейна. Он, разумеется, будет возражать. Да. Мы все так и назовем... Всю операцию. «Майская мушка». – Казалось, эта мысль приносила ему облегчение.

Они поспешили вернуться в контору. Не для того, чтобы немедленно приступить к работе. Она стала для них укрытием, создавала иллюзию анонимности, потребность в которой развилась у обоих.

Кабинет Эвери располагался рядом с офисом Леклерка. На двери висела табличка «Помощник директора». Два года назад Леклерка пригласили коллеги из Америки, и после того визита появились надписи на дверях. Теперь весь штат департамента именовался не по фамилиям, а по выполняемым функциям. Впрочем, и прежде Эвери был известен как лич-

ный секретарь. Леклерк мог придумывать людям официальные должности и менять их хоть каждую неделю, но повлиять на привычки персонала даже ему не удавалось.

Без четверти одиннадцать к нему зашел Вудфорд. Эвери знал, что он непременно явится – посплетничать перед совещанием, прощупать почву, узнать то, что не числилось в повестке дня.

– Что за шум, Джон? – Вудфорд раскурил трубку, откинул назад свою крупную голову и погасил спичку размашистыми движениями руки. В свое время этот атлетически сложенный мужчина был директором обычной средней школы.

– Быть может, ты мне расскажешь?

– Бедняга Тейлор.

– Да уж, что есть, то есть.

– Не хочу ни на кого давить, – сказал Вудфорд и присел на край стола, все еще сосредоточившись на своей трубке. – Не хочу ни на кого давить, Джон, – повторил он, – но есть еще одно важное дело, требующее рассмотрения, несмотря на трагическую гибель Тейлора и прочие обстоятельства. – Он убрал жестянку с табаком в карман своего зеленого костюма и закончил: – Я имею в виду отдел регистрации.

– Это епархия Холдейна. Пусть этим занимаются аналитики.

– Ничего не имею против старины Адриана. Он хороший разведчик. Мы с ним проработали вместе больше двадцати лет.

«Следовательно, и ты тоже хороший разведчик», – подумал Эвери.

За Вудфордом водилась привычка в разговоре предельно сближаться с собеседником, почти наваливаясь на него, как лошадь, которая собирается почесаться о деревянные ворота. Он склонился вперед и очень серьезно посмотрел на Эвери. «Я простой парень, попавший в сложное положение, – словно было написано на его лице, – человек, который должен выбирать между дружбой и служебным долгом». Его костюм был сшит из ворсистой ткани, такой плотной, что она вообще не мялась, но местами скатывалась, как одеяло. Пиджак застегивался на коричневые костяные пуговицы.

– Джон, в отделе регистрации творится полный бардак, и мы оба знаем это. Документы не сдаются как положено, папки не возвращаются в оговоренные сроки. – Он в отчаянии покачал головой. – А досье по грузоподъемности торгового флота не могут найти с середины октября. Оно словно растворилось в воздухе.

– Адриан Холдейн дал указание провести поиски, – сказал Эвери. – Мы все отвечаем за документацию, а не только он один. Да, досье иногда теряются, но это первый случай с самого апреля, Брюс. Мне это не кажется катастрофой, если учесть, какое общее количество бумаг проходит через наши руки. Папки хранятся в образцовом порядке. Насколько я понимаю, наш каталог аналитических документов – это вообще нечто уникальное. И все это организовал Адриан, не так ли? Но если уж ты так сильно обеспокоен, почему бы тебе не поговорить с ним об этом напрямую?

– Нет-нет. Это важно, но не до такой степени.

Вошла Кэрол и принесла чай. Вудфорд пил из огромной глиняной кружки, на которой были крупно выдавлены его инициалы. Поставив поднос на стол, Кэрол не удержалась:

– Уилф Тейлор мертв.

– Я здесь с часу, – соврал Эвери, – занимаюсь как раз этим делом. Мы трудимся всю ночь не покладая рук.

– Директор очень расстроен, – сказала она.

– Что ты знаешь о его жене, Кэрол?

Это была со вкусом одетая девушка, ростом чуть выше Сэры.

– С ней никто из наших никогда не встречался. – Она вышла из комнаты.

Вудфорд проводил ее взглядом. Он вынул изо рта трубку и ухмыльнулся. Эвери понял: сейчас он может заявить, что спал с Кэрол или как хорошо было бы с ней переспать, и от этой мысли его передернуло.

– Это твоя жена сделала такую чудесную кружку, Брюс? – быстро спросил он. – Говорят, она у тебя почти профессиональный гончар.

– Да, и блюдец тоже ее работы, – ответил Вудфорд и принялся рассказывать о курсах, которые посещала жена, как популярно это занятие у них в Уимблдоне и какое удовольствие получает супруга.

Время приближалось к одиннадцати; было слышно, что в коридоре стало многолюднее.

– Мне пора отправляться в соседний офис и проверить, готов ли босс, – сказал Эвери. – Последние восемь часов дались ему нелегко.

Вудфорд взял свою кружку и отхлебнул чаю.

– Если появится возможность, намекни боссу про отдел регистрации, Джон. Мне бы не хотелось пока поднимать этот вопрос при всех. Адриан совсем перестал следить там за порядком.

– Сейчас наш директор очень устал и перегружен делами, Брюс.

– Не сомневайся, я понимаю.

– Тогда ты должен знать и то, что он вообще не любит лезть в дела Холдейна. – Когда они уже подошли к двери его кабинета, Эвери повернулся к Вудфорду и неожиданно спросил: – Ты не помнишь, служил ли у нас когда-нибудь офицер по фамилии Маллаби?

Вудфорд замер на месте.

– Боже мой! Конечно, помню. Молоденький парнишка вроде тебя. Это было во время войны. О господи! – А потом добавил очень серьезно в несвойственной ему манере: – Только не упоминай его фамилию при боссе. Он очень переживал гибель Маллаби. Тот выполнял у нас особо важные полеты. И они с боссом в какой-то степени очень сблизились.

При свете дня кабинет Леклерка уже казался не столько запущенным, сколько временным пристанищем для своего хозяина. Складывалось впечатление, что его заняли в спешке и в срочном порядке, не зная, надолго ли. На раскладном столике были расстелены карты – не две или три, а десятки, причем некоторые имели такой масштаб, что на них отчетливо просматривались не только городские улицы, но и отдельные дома. Ленты телетайпных сообщений, наклеенные на розовую бумагу, целой пачкой крепились к доске объявлений с помощью бульдозьего вида зажима, напоминая типографские гранки, ожидавшие корректуры. В углу уже успели установить кровать, застеленную шерстяным покрывалом. Рядом с раковиной висело чистое полотенце. Рабочий стол тоже сменили на серый металлический и явно казенный. Стены покрывала пыль. Местами кремовая краска облупилась, обнажив внизу слой зеленой. Это была маленькая квадратная комната с занавесками из министерства работ⁵. Как раз по поводу этих занавесок возник единственный скандал во время последней попытки Леклерка привести свой кабинет в порядок – он потребовал выдать ему шторы, которые соответствовали бы его положению в иерархии государственных служащих. Но, насколько знал Эвери, других усилий хоть что-то улучшить его начальник не предпринимал. Камин почти погас. В особенно ветреные дни, когда этот камин не желал разгораться вообще, Эвери, сидя на своем рабочем месте, мог слышать, как в соседней трубе слоями осыпается налипшая изнутри сажа.

Сейчас Эвери наблюдал, как в кабинет по очереди входили его коллеги. Сначала Вудфорд, потом Сэндфорд, Деннисон и Маккаллох. Все они уже знали о Тейлоре. Было нетрудно

⁵ Так для краткости именовалось министерство гражданского строительства и общественных работ, существовавшее до 1970 г.

себе представить, как новость распространилась по департаменту в виде сенсации, возбуждающей повышенное любопытство, передаваясь из комнаты в комнату, придавая пикантность рядовому рабочему дню, а сотрудникам ненадолго прибавляя оптимизма, как известие о прибавке жалованья. И они наблюдали за Леклерком, как заключенные наблюдают за начальником тюрьмы, и выжидали. Его обычная линия поведения была им давно известна, но сегодня он вынужден будет ее нарушить. Во всей конторе не осталось ни одного человека, который не слышал бы, что Леклерка вызвали на службу посреди ночи и даже спать ему пришлось в рабочем кабинете.

Они расселись за столом для совещаний, со стуком ставя на него свои чашки с чаем, как школьники во время обеденной перемены. Леклерк занял кресло во главе, остальные расположились по сторонам. Стул в дальнем конце стола оставался свободным. Вошел Холдейн, и уже по его виду Эвери сразу понял, что сегодняшнее совещание станет противостоянием Леклерка и Холдейна.

Глядя на пустующий стул, Холдейн сказал:

– Как я понимаю, мне приготовили местечко на самом сквозняке.

Эвери мгновенно поднялся, но Холдейн уже успел сесть.

– Не стоит беспокоиться, Эвери. Я уже болен, и здесь ничего не изменишь. – Он закашлялся, как кашлял всегда. Даже лето не приносило ему облегчения: кашель бил его вне зависимости от времени года.

Остальные беспокойно заерзали на своих местах. Вудфорд взял с подноса ломтик бисквита. Холдейн посмотрел на камин.

– Неужели министерство работ не могло организовать что-нибудь получше этого? – спросил он.

– Идет дождь, – ответил ему Эвери. – А в дождь камин не разгорается. Пайн пытался растопить его, но все бесполезно.

– Ах вот как.

Холдейн был лысеющим сухопарым мужчиной с четкими чертами лица и длинными беспокойными пальцами. Он был замкнут, двигался неторопливо, казался усталым, ворчливым и суровым. Казалось, он испытывал легкое презрение ко всему, работал когда ему вздумается и прислушивался только к собственному мнению. Увлекался он разве что кроссвордами и акварелями девятнадцатого века.

Вошла Кэрол с несколькими папками и картами и положила их на рабочий стол, который в отличие от остального кабинета выглядел опрятно. Присутствовавшие с чувством неловкости молча дождались, пока она удалится. Когда дверь за ней была плотно закрыта, Леклерк осторожно провел рукой по своей темной шевелюре, словно это было нечто, не слишком хорошо ему знакомое.

– Тейлора убили. Вы все уже слышали об этом. Он погиб прошлой ночью в Финляндии, куда отправился под чужим именем.

Эвери обратил внимание, что фамилию Маллаби он не назвал.

– Подробности пока неизвестны. Нас проинформировали только, что его сбила машина. Я дал Кэрол распоряжение сообщить рядовым сотрудникам, что это был несчастный случай. Всем все понятно?

Да, закивали они, все понятно.

– Он отправился туда, чтобы забрать фотопленку... У нашего помощника в Скандинавии. Вам известно, кого я имею в виду. Обычно мы не используем простых курьеров для выполнения оперативных заданий, но сложились особые обстоятельства, действительно исключительная ситуация. Думаю, Адриан здесь поддержит меня. – Он слегка приподнял обе руки, высвободив запястья из прихваченных запонками рукавов рубашки, а потом соединил пальцы и ладони, словно моля Холдейна о поддержке.

– Особые обстоятельства? – медленно повторил Холдейн. Голос у него был пронзительный и резкий, что вполне соответствовало его внешности, но очень хорошо поставленный, без перепадов тональности и аффектации; голос, которому можно было только позавидовать. – Да, ситуация сложилась необычная. Но не в последнюю очередь именно из-за гибели Тейлора. Нам ни в коем случае не следовало отправлять его в Финляндию. Ни при каких условиях, – продолжал он так же размеренно и бесстрастно. – Мы нарушили главный принцип разведки. Мы использовали человека, не задействованного в секретной части нашей работы, для тайной операции. Хотя мы едва ли вообще занимаемся тайными операциями в эти дни.

– Предоставим судить об этом нашему руководству, – рассудительно парировал Леклерк. – Но вы не можете не согласиться, что министерство оказывает на нас давление, требуя результатов. – Он посмотрел сначала на тех, кто сидел слева от него, потом – справа, как президент компании оглядывает держателей акций.

– Пора информировать вас о деталях. Не стану еще раз напоминать, что вся информация строго секретна. А потому посвящены в нее будут только главы отделов. До этого момента о сути дела поставлен в известность только Адриан Холдейн, а также кое-кто из сотрудников аналитического отдела. И Джон Эвери, как мой помощник. Хотел бы подчеркнуть, что наши коллеги из братской спецслужбы ничего об этом не знают и не должны знать. Теперь о том, как мы организуем нашу собственную работу. Операции присвоено кодовое наименование «Майская мушка», – он заговорил короткими фразами и уверенным тоном. – Будет существовать только одно общее досье, которое вам следует по использованию возвращать мне или Кэрл – в случае моего отсутствия. Будет также сделана копия, которая будет храниться в нашей библиотеке. Эту методику работы с досье мы использовали во время войны, и, полагаю, она всем хорошо знакома. С этого дня система снова вступает в силу. Кэрл будет включена мною в прилагаемый список допуска к досье.

Вудфорд трубкой указал на Эвери и покачал головой. И верно, молодой сотрудник ничего не знал о старой системе. Сидевший рядом с ним Сэндфорд взялся объяснить ее принцип. Так называемая библиотечная копия досье хранилась в шифровальной комнате, и ни при каких обстоятельствах выносить ее оттуда было нельзя. Все новые документы подшивались в папку по мере поступления. В списке допуска именовались лица, которым дозволялось ознакомление с досье. Скрепками пользоваться не разрешалось – все бумаги надлежало надежно клеивать или подшивать в папку. Остальные пропускали объяснения мимо ушей.

Сэндфорд возглавлял организационный отдел. С виду это был почтенный отец семейства в очках с золотой оправой, который тем не менее приезжал в офис на собственном спортивном мотоцикле. Леклерку по непонятным причинам это не нравилось. Однажды он прямо высказал Сэндфорду недовольство, и тот с тех пор оставлял своего «коня» на стоянке напротив здания больницы.

– Теперь о сути задуманной нами операции, – продолжил Леклерк. Тонкая линия сложенных вместе ладоней делила его просветлевшее лицо пополам. Из всех присутствовавших только Холдейн сейчас не смотрел на него, обратив взгляд в окно. Снаружи шел дождь, поливая двор здания, как весенний ливень поливает темную долину среди гор.

Внезапно Леклерк встал и подошел к висевшей на стене карте Европы. К ней были прикреплены булавками небольшие флажки. Вытянувшись перед картой и даже привстав на мысочки, чтобы дотянуться до ее северной части, он сказал:

– У нас, как всегда, возникли проблемы почему-то именно с Германией. – По комнате пробежал легкий смешок. – В районе южнее Ростока, в городке под названием Калькштадт. Вот здесь. – Его палец прошел вдоль береговой линии Балтийского моря у Шлезвиг-Гольштейна, потом вильнул к востоку и остановился в паре дюймов южнее Ростока. – Предельно

упрощая картину, скажу только, что мы имеем три основания, указывающие – я пока не могу использовать слово «доказывающие», – что там происходит нечто значительное в плане военных приготовлений. – Леклерк повернулся лицом к своей аудитории. При этом он намеренно остался стоять у карты и продолжал свой рассказ оттуда, чтобы показать: он держит все факты в голове и ему не требуются подсказки из лежащих на столе записей. – Первые сведения мы получили ровно месяц назад, когда прислал доклад наш представитель в Гамбурге Джимми Гортон.

Вудфорд улыбнулся, словно его обрадовала новость, что старина Джимми все еще активно продолжает работу.

– Перебежчик из Восточной Германии пересек границу, сумев переплыть реку в районе Любека. Это железнодорожник, житель Калькштадта. Он напрямик направился в наше консульство и предложил продать информацию о новом месте размещения вражеских ракет под Ростоком. Как вы сами понимаете, из консульства его вышибли под зад коленом. Поскольку МИД не разрешает нам даже пользоваться своей диппочтой, – он иронично улыбнулся, – едва ли они бы пошли на то, чтобы приобретать для нас информацию военного характера.

Шутка была встречена легким шелестом перешептываний.

– Однако нам повезло. Гортон случайно услышал об этом человеке и отправился во Фленсбург, чтобы с ним встретиться.

Вудфорд не мог не отреагировать на это название. Фленсбург? Не там ли мы обнаружили секретную базу фашистских подводных лодок в сорок первом? Наша авиация потом славно там поработала.

Леклерк ободряюще посмотрел на Вудфорда и закивал, словно его самого поразило подобное совпадение.

– Этот бедолага обошел всех военных атташе стран НАТО на севере Западной Германии, но его никто даже выслушать не захотел. А вот Джимми Гортон детально с ним побеседовал. – В тоне Леклерка отчетливо звучал намек, что Гортон оказался единственным умным человеком среди сборища полнейших недоумков. Он вернулся к столу, достал из серебряного портсигара сигарету, прикурил ее, а потом взял папку, обложка которой была помечена жирным красным крестом, и бесшумно положил ее на стол перед собой.

– Это и есть доклад Джимми, – сказал он. – Первоклассная работа, с какой стороны ни посмотреть. – Сигарета в его пальцах выглядела непомерно длинной. – Фамилия перебежчика Фритцше.

– Перебежчика? – быстро переспросил Холдейн. – Но это малообразованный человек, простой рабочий железной дороги. Обычно мы не классифицируем подобных людей как перебежчиков.

Леклерку пришлось занять оборонительную позицию.

– Я бы не назвал его простым рабочим. Он хороший механик и, кроме того, фотограф-любитель.

Маккаллох открыл досье и принялся методично просматривать страницы с документами. Сэндфорд наблюдал за ним сквозь очки в золотой оправе.

– Первого или второго сентября – это в точности неизвестно, потому что он сам не помнит даты, – ему пришлось выйти работать в две смены на разгрузке вагонов в Калькштадте. Один из его товарищей заболел. Вот почему он трудился с шести утра до полудня, а потом с четырех до десяти часов вечера. Когда он пришел на работу, у ворот грузового двора станции его встретил десяток фопо – это восточногерманские полицейские. А пассажирский вокзал оказался на это время вообще закрыт. Они проверили его документы, просмотрели какой-то список и велели ему держаться подальше от восточной стороны станции. Его предупредили, – добавил Леклерк с особым нажимом, – что если он приблизится к пакгаузам с восточной стороны, то может получить пулю в лоб.

Его последние слова произвели нужное впечатление. Вудфорд не преминул заметить, насколько типично это для немцев.

– Наши основные враги – русские, – напомнил Холдейн.

– Но Фритцше оказался не так прост. Он вступил с ними в пререкания. Заявил, что такой же надежный гражданин ГДР и член партии, как и они сами. Показал им партбилет, профсоюзную карточку, фото жены и бог знает что еще. Ничего путного он, конечно, не добился. Ему снова велели подчиниться приказу и держаться в стороне от восточных складов. Но он все-таки вызвал у полицейских определенную симпатию, потому что в десять часов, когда они наварили для себя супа, они пригласили его и налили ему миску. За едой он поинтересовался, что происходит. Они помалкивали, но было заметно, что им самим все это крайне интересно. А потом случилось кое-что. Нечто очень важное, – продолжал Леклерк. – Один из фопо – самый молоденький – неожиданно проболтался. То, что они завезли на тот склад, брякнул он, выметет американцев из Западной Германии за два часа. К несчастью, в этот момент в караульное помещение зашел офицер и выгнал нашего человека, а остальным приказал заниматься своим делом.

Холдейн зашелся в глубоком и продолжительном приступе кашля, который эхом разносился по комнате, как по кладбищенскому склепу.

– Что это был за офицер? – спросил кто-то. – Немец или русский?

– Немец. И это важно отметить. Присутствия там русских не наблюдалось вообще.

Холдейн снова поспешил вставить реплику:

– Перебежчик не видел русских. И это все, что нам известно. Давайте не будем небрежничать с фактами. – И он снова закашлялся, вызвав раздражение кое-кого из сидевших за столом.

– Как будет угодно... Так вот, наш железнодорожник позже отправился домой обедать. Его глубоко оскорбило, что ему не давали свободно перемещаться по своей же станции какие-то безусые мальчишки, игравшие в солдатиков. Он пропустил пару стаканчиков шнапса и вернулся на работу наблюдать за разгрузкой вагонов. Послушай, Адриан, если твой кашель настолько тебя беспокоит...

Холдейн в ответ лишь помотал головой.

– Он вспомнил, что с задней стороны к восточным пакгаузам примыкал старый сарай, с крыши которого можно было добраться до вентиляционного отверстия в стене склада. Так у него возникла идея забраться на сарай и взглянуть, что творится внутри. До такой степени ему хотелось натянуть нос этим чванливым полицейским.

Вудфорд рассмеялся.

– А потом он решил пойти еще дальше и сделать несколько снимков внутри пакгауза.

– Для этого надо было окончательно рехнуться, – прокомментировал Холдейн. – В эту часть его рассказа я не верю совсем.

– Рехнулся или нет, но так он и поступил. Повторяю, он был очень зол из-за того, как с ним обошлись. Из-за откровенного недоверия. Он считал, что имеет полное право знать, что завезли на тот склад. – Леклерк сделал паузу, а потом пустился в описание технических подробностей. – У него был зеркальный фотоаппарат «Экза-2». Восточногерманского производства. Это дешевая и ухудшенная версия «Экзакты» с гораздо меньшим набором выдержек, но зато к нему подходит вся линейка объективов «Экзакты». – Он бросил взгляд на технарей Деннисона и Маккаллоха, словно ища у них поддержки. – Я прав, джентльмены? Если что-то не так, поправьте меня.

Оба в ответ сдержанно улыбнулись, поскольку поправлять пока было нечего.

– У него как раз оказался под рукой очень хороший широкоугольник. Но проблема заключалась в освещении. Его вторая смена начиналась в четыре, когда уже приближался закат и света внутри пакгауза проникало еще меньше, чем обычно. В его запасах нашлась

единственная высокочувствительная пленка фирмы «АГФА», которую он хранил на особый случай. И он решил использовать ее. – Леклерк сделал паузу скорее для того, чтобы оценить произведенный своим рассказом эффект, нежели ожидая вопросов.

– А почему он не мог дождаться следующего утра? – все же спросил Холдейн.

– В докладе Гортон вы найдете все подробности, – продолжал Леклерк, ничем не выдав своего раздражения. – Фритцше забрался сначала на крышу сарая, потом встал на пустую бочку из-под машинного масла и через вентилятор сделал снимки. Я не буду повторять сейчас каждую мелочь. Скажу только, что он максимально открыл диафрагму на 2.8 и использовал самые длинные выдержки от четверти секунды до двух секунд. Вот в чем преимущества обычной немецкой дотошности.

На этот раз никто не рассмеялся.

– Выдержки он, конечно, использовал наугад. Но сделал достаточное количество снимков. И только на последних трех кадрах действительно можно что-то разглядеть. Вот они. – Леклерк выдвинул металлический ящик своего стола и вынул пачку глянцевых фотографий размером двенадцать на девять дюймов каждая. При этом он чуть заметно улыбался, как люди иногда улыбаются сами себе, глядя в зеркало.

Все сгрудились вокруг снимков, исключая Холдейна и Эвери, которые уже их видели.

На них явно было запечатлено нечто любопытное. Как ни странно, именно при беглом взгляде что-то сразу различалось в глубине теней, но если всматриваться пристальнее, тени смыкались, и мимолетное впечатление от увиденного распадалось. Но все же на фото что-то определенно присутствовало – какие-то смазанные очертания, похожие на ствол пушки, слишком длинной для любого самого большого лафета; некий намек на кабину транспортного средства и блик, в котором отражалось нечто вроде платформы.

– Не будем забывать, что, по всей вероятности, видеть нам мешают еще и наброшенные сверху маскировочные сетки, – заметил Леклерк, с надеждой глядя в лица подчиненных и ожидая прочесть в них хотя бы проблески энтузиазма.

Эвери посмотрел на часы. Двадцать минут двенадцатого.

– Мне скоро пора уходить, директор, – сказал он. Ему еще нужно было позвонить Сэре, как он обещал. – Меня ждут в бухгалтерии, а потом предстоит оформить билет.

– Задержитесь еще минут на десять, – умоляющим тоном попросил Леклерк.

А Холдейн поинтересовался:

– Куда это он отправляется?

– Позаботиться о Тейлоре, – ответил Леклерк. – Но сначала ему предстоит встреча кое с кем в Цирке.

– Что значит – позаботиться? Тейлор мертв.

Повисла неловкая пауза.

– Вам прекрасно известно, что Тейлор путешествовал под чужим именем. Кому-то нужно забрать его вещи. Прежде всего пленку. Эвери летит туда в качестве ближайшего родственника. Министерство уже дало разрешение, и, уж простите, не знал, что мне необходимо еще ваше согласие.

– Чтобы получить труп?

– Чтобы получить кассету, – уже несколько раздраженно повторил Леклерк.

– Но это оперативное задание. Эвери не прошел специальной подготовки.

– Ничего. На войне и более молодые ребята выполняли трудную работу. Он справится.

– Даже Тейлор не справился. Что он будет делать с кассетой, если добудет ее? Привезет ее в дорожном несессере?

– Не могли бы мы обсудить это немного позже? – предложил Леклерк, обращаясь к остальным присутствующим и улыбаясь, словно показывая: сколько терпения нужно с этим Холдейном. Потом он продолжил: – Еще десять дней назад эти свидетельские показания и

снимки были всем, чем мы располагали. Потом появилось второе основание для подозрений. Целый район вокруг Калькштадта был объявлен запретной зоной.

Подчиненные Леклерка оживленно и заинтересованно зашептались между собой.

– Радиус они установили, насколько нам известно, в тридцать километров. Никакой транспорт внутрь не пропускается. Для охраны привлечены пограничники. – Он снова оглядел своих людей. – Я сразу проинформировал об этом министра. Не берусь перечислять вам все возможные последствия, которые могут вытекать из подобной информации. Позвольте остановиться только на одном. – Последнюю фразу он произнес быстро, одновременно непроизвольным жестом убрав за уши пряди закрывавших их седых волос.

О Холдейне в этот момент все забыли напрочь.

– Что смутило нас с самого начала... – Он кивнул Холдейну, сделав что-то вроде примирительного жеста победителя, но Холдейн не обратил на него внимания. – ...так это отсутствие советских военнослужащих. У них ведь расквартированы подразделения в Ростове, Витмаре, Шверине. – Его палец снова стал чертить по карте между флажками. – Но их и в помине нет в непосредственной близости от Калькштадта, что подтвердили другие разведывательные источники. Если там размещают их вооружения, обладающие большой разрушительной силой, то почему за этим процессом не следят сами советские войска?

Маккаллох высказал предположение: там мог быть советский технический персонал, переодетый в штатское, не правда ли?

– Я считаю это весьма маловероятным. – Мягкая улыбка. – При сопоставимых случаях, когда происходило размещение или передислокация тактического оружия, нам всегда удавалось установить наличие по меньшей мере одного подразделения советских вооруженных сил. С другой стороны, всего пять недель назад русские военные засветились в Гюствейлере, что еще чуть дальше на юг от Ростова. – Он снова обратился к помощи карты. – Они пошумели один вечерок в местном баре. У некоторых были погоны артиллеристов, у других род войск не определялся. Можно сделать вывод, что они сопровождали туда некий груз, оставили на месте и вернулись домой.

Теперь Вудфорд откровенно забеспокоился. Что все это означает? Что предпринимает их министерство? Он терпеть не мог задач и головоломок, требовавших долгого и упорного решения.

При таких условиях Леклерк мог позволить себе изобразить профессора, читающего лекцию и оперирующего фактами, не подлежащими сомнению.

– Аналитический отдел проделал превосходную работу. Общая длина объекта, представленного на этих фотографиях, – а они могут вычислить ее с высокой степенью точности, – равняется длине советской ракеты среднего радиуса действия. Основываясь на имеющихся данных, – он постучал по карте костяшками пальцев, отчего она слегка съехала набок, свешиваясь с крючка в стене, – министерство полагает вполне вероятным, что мы имеем здесь дело с советскими ракетами, переданными под контроль восточных немцев. Аналитический отдел, – вынужден он был добавить быстро, – не готов к столь далеко идущим выводам. Но если возобладает точка зрения министерства... – Это был момент, которого он и ждал. – Мы окажемся перед угрозой повторения ситуации на Кубе⁶, но только, – здесь он заметно сбавил нажим и произнес последние слова очень осторожно, – еще более опасной.

Теперь он уже полностью завладел общим вниманием.

– Вот почему, – объяснил Леклерк, – руководство разрешило нам в виде исключения полет над зоной предполагаемой активности. Как вы знаете, в последние четыре года наш департамент был вынужден довольствоваться аэрофотосъемкой вдоль официально утвер-

⁶ Имеется в виду так называемый Карибский кризис в октябре 1962 г., чуть не ставший причиной Третьей мировой войны.

жденных маршрутов полета гражданской или военной авиации. Но даже в этом случае требовалось согласование с МИДом и их одобрение.

Казалось, его глаза искали нечто за пределами комнаты. Остальные с нетерпением ждали, когда он продолжит.

— И вот в кои-то веки министерство решило отступить от правил, и я не без удовольствия констатирую, что проведение операции было поручено нашему департаменту. Мы выбрали лучшего пилота, какого только смогли найти, — Лансена.

Кто-то удивленно вскинул на него взгляд: имена агентов обычно не назывались открыто.

— Лансен согласился за определенную плату отклониться от курса во время чартерного перелета из Дюссельдорфа в Финляндию. Тейлора мы отправили забрать у него отснятую пленку. Он, однако, погиб рядом с аэропортом в результате, как сейчас представляется, несчастного случая на дороге.

Они слышали, как по мокрой мостовой за окном проносятся машины, издавая звук, напоминающий шуршание бумаги на ветру. Огонь в камине погас окончательно, остался только дымок, легким покрывалом нависший над столом.

Сэндфорд поднял руку, привлекая к себе внимание. О какого типа ракетах может идти речь?

— «Сандал» (по советской классификации Р-12), среднего радиуса действия. Аналитики сообщили мне, что такие ракеты впервые продемонстрировали на Красной площади в ноябре 1962 года. Но они еще до этого приобрели печальную известность. Именно ракеты «Сандал» русские пытались развернуть на Кубе. Кроме того... — Взгляд в сторону Вудфорда. — ...«Сандал» является прямым производным от немецкой ракеты военного времени «ФАУ-2». — Он достал из ящика еще несколько фотографий и положил на стол. — Вот снимки ракеты «Сандал» из архива нашего аналитического отдела. По их словам, ее внешние приметы — это так называемая расклепанная юбка... — Он указал на нижнее оперение. — ...И относительно невысокие стабилизаторы. От основания до вершины конуса она имеет длину в сорок футов. Если присмотритесь внимательно, то заметите отверстия с зажимами — вот здесь, — к которым крепится маскировочная сетка. К сожалению, мы не располагаем фото «Сандала» в маскировке. Вероятно, такие снимки есть у американцев, но на данной стадии я не чувствую себя готовым обратиться к ним за помощью.

— И правильно! Еще чего! — мгновенно отреагировал Вудфорд.

— Министр считает важным, чтобы мы раньше времени не тревожили своих союзников. Всем известно: стоит только упомянуть американцам о любых ракетах, и может последовать самая непредсказуемая реакция с их стороны. Мы и глазом не моргнем, как над Востоком начнут кружить их У-2. — Вдохновенный смехом, который вызвала шутка, Леклерк продолжал: — В этой связи министр сделал еще одно важное замечание, которые я бы хотел донести до вас. Государство, которое подвергается максимальной угрозе со стороны этих ракет, — а дальность их действия составляет восемьсот миль, — это скорее всего наша страна. И уж точно не Соединенные Штаты. Да и с политической точки зрения сейчас не самое лучшее время для того, чтобы прятаться за спину американского дядюшки. В конце концов, как заметил министр, мы и сами еще не остались без последних зубов, чтобы укунить в ответ.

— Очень патриотично, — с сарказмом заметил Холдейн, а Эвери повернулся к нему и окинул взглядом, в который вложил всю свою злость.

— Думаю, вы могли бы сейчас воздержаться от подобных высказываний, — сказал он. И чуть не добавил: — Имейте же совесть!

Холдейн встретился глазами с Эвери, несколько секунд холодно смотрел на него, а потом отвел взгляд. Он не простил ему эти слова, а всего лишь отложил наказание.

Кто-то спросил о дальнейших действиях. Предположим, Эвери не найдет пленки в вещах Тейлора. Предположим, ее среди них не было вообще. Смогут ли они организовать еще один пролет над той территорией?

– Нет, – ответил Леклерк. – О повторном пролете и речи быть не может. Это слишком опасно. Нам придется прибегнуть к другому методу.

Он явно не хотел пока вдаваться в детали, но Холдейн спросил:

– К какому же, например?

– Скорее всего мы направим туда своего человека. Это представляется единственным выходом из положения.

– Наш департамент? – переспросил Холдейн, изобразив преувеличенное удивление. – Направит туда агента? Министерство никогда не потерпит ничего подобного. Ты, должно быть, хотел сказать, что попросишь Цирк взять на себя эту миссию?

– По-моему, я уже четко разъяснил тебе свою позицию, Адриан. И, видит бог, не тебе давать здесь указания, что мы можем делать, а что нет. – Он окинул взглядом сидевших за столом, словно ища поддержки. – Все, кто здесь присутствует, за исключением Эвери, уже имеют за спиной по крайней мере двадцатилетний опыт работы. Ты сам уже успел больше забыть о работе с агентурой, чем половина сотрудников Цирка о ней когда-либо знала вообще.

– Вот это в точку! – воскликнул Вудфорд.

– Ты только взгляни на собственный отдел, Адриан. На своих аналитиков. За последние пять лет я помню множество случаев, когда Цирк обращался к тебе за советом и информацией, используя твой опыт. А не пришло ли время, чтобы положение изменилось и с агентурной сетью? Министерство разрешило нам секретный полет. Почему бы им не дать добро и на засылку агента?

– Ты упомянул о трех основаниях для подозрений. Быть может, я что-то пропустил? Какое было третьим?

– Смерть Тейлора, – резко ответил Леклерк.

Эвери поднялся, кивком головы попрощался со всеми и тихо вышел. Холдейн пристально смотрел ему в спину.

5

На столе Эвери нашел записку от Кэрл: «Звонила ваша жена».

Он пошел в ее приемную и увидел, что она сидит за пишущей машинкой, но не печатает.

– Вы бы не стали так говорить о бедном Уилфе Тейлоре, – сказала она, – если бы знали его чуть лучше.

Он подумал, что ему следует ее утешить. Они порой позволяли себе касаться друг друга; может, ей как раз это было необходимо сейчас?

Он наклонился так низко, что завитки ее прически коснулись его щеки. Потом повернул голову, и они соприкоснулись висками, причем он даже почувствовал, как едва заметно натянулась ее кожа. На мгновение они застыли в этом положении: Кэрл очень прямо сидела на стуле, глядя в пространство перед собой и положив руки по обе стороны от пишущей машинки, а Эвери неловко склонился к ней. Ему захотелось прикоснуться к ее груди, но он не осмелился. Секунду спустя они отшатнулись друг от друга и снова стали каждый сам по себе. Эвери выпрямился во весь рост.

– Звонила твоя жена, – повторила она. – Я сказала ей, что у тебя совещание. Она хотела срочно поговорить с тобой.

– Спасибо, у меня дел по горло.

– Джон, что происходит? Зачем тебе понадобился Цирк? Что на уме у Леклерка?

– Я думал, ты в курсе. Он сказал, что внесет тебя в список допуска.

– Речь не об этом. Зачем он снова лжет им? Он продиктовал мне меморандум для шефа Цирка о какой-то тренировочной схеме, которая предусматривает твою поездку за границу. Пайн отправился доставить письмо лично. И Леклерк почему-то с ума сходит из-за ее пенсии. Пенсии миссис Тейлор. Велел просмотреть все прецеденты в прошлом и тому подобное. Но даже заявление будет помечено грифом «Совершенно секретно». Он снова строит очередной картонный домик, Джон. Уж я его знаю. Например, кто такой Лейсер?

– Тебе вообще-то не положено о нем знать. Это агент. Поляк.

– Он работает на Цирк? – Затем она резко сменила тему. – И почему именно тебе нужно куда-то лететь? Этого я тоже никак в толк не возьму. Как и причину, по которой они отправили в Финляндию Тейлора. Почему? Если у Цирка есть курьерская служба в Финляндии, по какой причине мы не могли просто с самого начала воспользоваться ею? Для чего понадобилось командировать туда беднягу Тейлора? Даже сейчас МИД еще вполне может все взять на себя. Уверена, что может. Но он и слышать об этом не хочет: ему угодно отправить тебя.

– Тебе не все известно, – коротко ответил Эвери.

– И еще вопрос, – успела сказать она, когда он уже собрался уходить. – Почему Адриан Холдейн так сильно тебя ненавидит?

Он успел зайти в бухгалтерию, а потом взял такси до Цирка. Леклерк напомнил, что ему возместят расходы. А еще он злился на Сэру за попытку разыскать его в такой неподходящий момент. Он же строго запретил ей звонить в департамент. По мнению Леклерка, это было небезопасно.

– Что вы изучали в Оксфорде? Вы же там учились, верно? – спросил Смайли и протянул ему сигарету из помятой пачки.

– Иностранные языки. – Эвери охлопал карманы в поисках спичек. – Немецкий и итальянский. – А когда Смайли промолчал, добавил: – Главным образом немецкий.

Смайли оказался низкорослым, рассеянным с виду мужчиной с пухлыми пальцами, немного дерганым, как будто он все время чувствовал себя не в своей тарелке. Эвери ожидал чего угодно, но не этого.

– Так-так. – Смайли кивнул словно в ответ на собственные, глубоко личные мысли. – Стало быть, вам нужен курьер в Хельсинки, как мне сказали. И вы должны передать ему пленку. Какая-то тренировочная миссия.

– Да.

– Крайне необычная просьба. Вы уверены?... Вам хотя бы известно, какого размера пленка?

– Нет.

Последовала долгая пауза.

– На вашем месте я бы постарался заранее получать такого рода информацию, – сказал Смайли беззлобно. – Понимаете, если курьеру придется спрятать пленку, это может стать проблемой.

– Простите, не понял. Почему?

– Впрочем, это уже не важно.

Эвери вдруг живо вспомнился Оксфорд, как он читал свое сочинение куратору.

– Вероятно, – произнес Смайли задумчиво, – мне следует объяснить вам только одну вещь. Хотя, уверен, Шеф уже говорил на эту тему с Леклерком. Мы готовы предоставить вам всю необходимую помощь – любую помощь. Было время, – произнес он почти ностальгически и словно не обращаясь прямо к собеседнику, что было характерной для него манерой общения, – когда наши службы ожесточенно соперничали между собой. Я всегда сожа-

лел об этом. И все же мне бы хотелось узнать о предстоящем деле немного больше. Совсем немного... Шеф очень хочет помочь вам. Но мы опасаемся совершить ошибку просто в силу недостатка информации.

– Это учебное задание. Но все вполне серьезно. Если честно, подробностей не знаю и я сам.

– Мы полны желания помочь, – повторил Смайли бесстрастно. – Какая страна является вашей целью? Подлинной целью?

– Мне это неизвестно. Моя роль здесь очень невелика. Я просто прохожу курс обучения.

– Но если это всего лишь тренировка, зачем окружать ее такой секретностью?

– Хорошо. Положим, это Германия, – сказал Эвери.

– Вот за это спасибо.

Почему-то из них двоих в большей степени выглядел смущенным Смайли. Он вперил взгляд в свои руки, сложенные на столе. Спросил у Эвери, идет ли еще дождь. Эвери ответил, что да, льет по-прежнему.

– Я с большим огорчением узнал о Тейлоре, – сказал Смайли.

– Да, это был очень хороший человек, – согласился Эвери.

– Вы знаете, в какое время получите пленку? Сегодня вечером? Завтра? У меня сложилось впечатление, что Леклерк говорил о сегодняшнем вечере.

– Не могу сказать. Это зависит от того, как пойдет дело. Сейчас мне трудно заранее загадывать.

– Понятно.

Воцарилось долгое необъяснимое молчание. «Он похож на глубокого старика, – подумал Эвери, – который забывает, что находится не один».

– Понятно. В нашей работе всегда есть непредсказуемые факторы. Вам приходилось выполнять подобные задания прежде?

– Да, пару раз.

Смайли снова замолчал и, кажется, не заметил секундного замешательства собеседника.

– Как вообще дела на Блэкфрайарз-роуд? Вы знакомы с Холдейном? – спросил Смайли, причем ответ явно не был ему интересен.

– Да. Он теперь возглавляет аналитический отдел.

– Ну конечно. У него блестящие мозги. У ваших аналитиков, знаете ли, прекрасная репутация. Мы сами не раз обращались к ним. Кстати, мы с Холдейном учились в Оксфорде в одно и то же время. А во время войны немного успели поработать вместе. Великий человек. После войны мы очень хотели взять его к себе, но вот только наши медики забраковали его из-за болезни груди.

– Не знал.

– В самом деле? – Смайли комично вздернул брови. – В Хельсинки есть отель, который называется «Принц Датский». Прямо напротив центрального вокзала. Вам он случайно не знаком?

– Нет. Мне прежде не доводилось бывать в Хельсинки.

– Вот как? – Смайли теперь всматривался в него с некоторым беспокойством. – Очень странная история, как мне представляется. А Тейлор? Он тоже проходил стажировку?

– Понятия не имею. Но отель я найду, не сомневайтесь, – заявил Эвери с оттенком нетерпения в голосе.

– Рядом с входной дверью там есть киоск, торгующий прессой и открытками. А вход в гостиницу только один. – Он говорил так, словно речь шла о соседнем доме в Лондоне. – И еще они продают цветы. Думаю, как только вы получите пленку, вам лучше будет напра-

виться туда. Попросите цветочника послать дюжину роз для миссис Эвери в отель «Империал» в Торки. Хотя и пяти штук будет достаточно. Мы же не хотим попусту транжирить деньги, верно? А цветы в тех краях стоят дорого. Вы будете путешествовать под своей подлинной фамилией?

– Да.

– На это есть особая причина? Я не хочу совать нос в ваши дела, – поспешно добавил он, – но у нашего брата жизнь такая короткая... Не поймите меня неправильно, я имею в виду, до того как ваша принадлежность к спецслужбам становится известной противнику.

– Насколько я понял, чтобы получить фальшивый паспорт, требуется время. А министерство иностранных дел... – Ему не следовало влезать в эти подробности. Надо было сказать, что это уже не его ума дело.

– Прошу прощения. – Смайли нахмурился, словно злился сам на себя за бестактность. – Вы всегда могли обратиться к нам. Речь о паспорте. – Тут он стал сама любезность. – Итак, отправьте цветы. Когда будете выходить из отеля, сверьте свои часы с часами в вестибюле. Ровно через полчаса возвращайтесь к входу. Водитель такси вас узнает и откроет дверь машины. Садитесь, поезжайте и передайте ему пленку. И конечно же, не забудьте заплатить. Строго по счетчику. Напоминаю потому, что сам знаю, как легко забываются подобные мелочи. Так какого рода тренировка вам все-таки предстоит?

– А если мне не удастся получить пленку?

– В таком случае не предпринимайте ничего. К отелю даже не приближайтесь. И вообще тогда не стоит ехать в Хельсинки. Просто забудьте обо всем.

Эвери невольно подумал, насколько четкие он дает инструкции.

– Когда вы изучали немецкий, вам случайно не доводилось заниматься литературой семнадцатого века? – вдруг с надеждой спросил Смайли, когда Эвери уже поднялся, чтобы идти. – Грифиусом, Лоэнштейном – поэтами их поколения?

– Это было выделено в спецкурс. Боюсь, что не доводилось.

– Спецкурс? – пробормотал Смайли. – Глупейшее название. То есть они считали их второстепенными. Но все равно – спецкурс совершенно неуместное слово.

Когда они уже подошли к двери, он спросил:

– У вас есть портфель или что-нибудь в этом роде?

– Да.

– Когда получите пленку, положите ее в карман, – посоветовал Смайли, – а чемодан держите в руке. За вами, возможно, будут следить, и соглядатаи обычно не сводят глаз с портфелей. Это получается как-то произвольно, уверяю вас. И если вы где-то оставите портфель, они перестанут следовать за вами и полностью сосредоточатся на нем. Впрочем, не думаю, что финны дойдут до этого. У них просто нет опыта. Если, конечно, вы всего лишь выполняете тренировочное задание. Но не стоит особенно волноваться. Не надо уделять слишком много внимания такого рода мелочам, как и слишком доверять технике.

Он проводил Эвери до выхода из здания, а потом своей грузноватой походкой направился по коридору в сторону приемной Шефа.

Эвери поднимался по лестнице к своей квартире, гадая, какой будет реакция Сэры. Теперь он уже жалел, что не позвонил с работы, потому что не любил заставать ее в кухне, в то время как по всему полу в гостиной валялись игрушки Энтони. Его появление дома без предупреждения никогда ни к чему хорошему не приводило. Она пугалась так, словно ожидала услышать, что он совершил нечто совершенно ужасное.

Своего ключа у него не было: Сэра почти никогда не уходила. Друзей или подруг, насколько он знал, она не завела, и потому ее не зазывали в кафе поболтать и выпить чашку

кофе, а ходить по магазинам одной ей не нравилось. Казалось, она вообще не умела развлекать себя чем-либо самостоятельно.

Он нажал на кнопку звонка, услышал, как Энтони зовет мамочку, и стал дожидаться звука ее шагов. Кухня располагалась в самом конце коридора, но на этот раз она вышла из спальни, ступая мягко, будто шла босиком.

Сэра открыла дверь, даже не взглянув на него. Одета она была в ночную рубашку, поверх которой накинула теплую кофту.

– Боже, как долго тебя не было, – сказала она, повернулась и не слишком уверенной походкой вернулась в спальню. – Что-то случилось? – спросила она, оглянувшись. – Кого-то еще убили?

– Что с тобой, Сэра? Ты нездорова?

Вокруг них с громкими криками бегал Энтони, довольный тем, что папа вернулся домой рано. Сэра снова улеглась в постель.

– Я уже позвонила врачу. Сама не понимаю, что случилось, – сказала она так, словно недомогание не касалось ее лично.

– У тебя температура?

Рядом с кроватью она поставила кувшин с холодной водой и положила махровую салфетку из ванной. Он намочил ее, выжал и пристроил жене на лоб.

– Придется тебе управляться самому, – сказала она. – Боюсь, это не так интересно, как играть в шпионов. Ты так и не спросишь, что у меня болит?

– Когда приедет доктор?

– У него до двенадцати хирургическая операция. Наверное, он будет здесь вскоре после этого.

Эвери отправился в кухню. Энтони поплелся за ним. Стол еще не был убран после завтрака. Он позвонил матери жены в Рейгейт и попросил ее срочно приехать к дочери.

Только ближе к часу дня появился наконец врач.

– Жар, – констатировал он. – Какая-то инфекция бродит в организме.

Эвери опасался, что жена расплачется, когда он сообщит о необходимости поехать за границу, но она лишь выслушала его, немного подумала и предложила самому собрать вещи в дорогу.

– Это важно? – вдруг спросила она.

– Конечно. Крайне важно.

– Для кого?

– Для тебя, для меня. Для всех нас, наверное.

– А для Леклерка?

– Я же сказал – для всех.

Он пообещал Энтони непременно привезти подарок.

– А куда ты едешь? – спросил сын.

– Я лечу на самолете.

– Куда?

Он хотел сказать, что это большой секрет, но вспомнил дочку Тейлора и промолчал.

Поцеловав Сэру на прощание, он вынес чемодан в прихожую и поставил на половик. Дверь была снабжена двумя замками, чтобы Сэра чувствовала себя в безопасности, и сейчас следовало запереть их оба. Он услышал, как она спросила из спальни:

– Это опасно?

– Не знаю. Могу только сказать, что дело серьезное.

– Неужели ты так твердо в этом уверен?

Он откликнулся почти в отчаянии:

– Послушай, а почему я не могу быть в этом уверен? Разве ты не понимаешь, что это не праздный вопрос. Я имею дело с фактами. Почему ты всегда во мне сомневаешься? Неужели тебе так трудно хотя бы раз в жизни признать, что я выполняю важную работу?

Он вернулся в спальню, продолжая рассуждать на ходу. Сэра держала перед собой книгу в мягкой обложке и делала вид, что читает.

– Мы все должны найти свое место в жизни, обозначить круг своего существования. И потому не надо спрашивать меня все время: «Ты уверен? Ты уверен?» Это как если бы ты начала спрашивать, уверен ли я, что нам следовало заводить ребенка, уверен ли я, что мы не ошиблись, когда поженились. В этом просто нет смысла.

– Бедный Джон, – сказала она, опуская книгу и внимательно разглядывая его. – Лояльность без веры. Тяжело же тебе приходится.

Она произнесла это совершенно ровным тоном, словно была экспертом, сумевшим определить социальное зло, от которого он страдал. Вот почему еще один прощальный поцелуй показался ему сейчас таким неуместным.

Холдейн дождался, когда все выйдут из кабинета. Он, как всегда, явился последним и так же последним удалится.

– За что ты так со мной? – спросил Леклерк. Он говорил голосом актера, уставшего от сцены. На всем столе для совещаний рядом с пустыми чашками и полными пепельницами лежали развернутые карты и фотографии.

Холдейн не ответил.

– Что и кому ты пытаешься доказать, Адриан?

– Расскажи еще раз про человека, которого ты собираешься туда заслать.

Леклерк подошел к раковине и налил себе чашку воды из-под крана.

– Тебе не понравилась идея с Эвери? Скажи честно.

– Он слишком молод. А мне вообще не нравится твой культ молодости.

– У меня в горле пересохло от говорильни. Попей водички. Будет полезно для твоего горла.

– Сколько лет Гортону? – Холдейн взял чашку, отхлебнул из нее и поставил на стол.

– Пятьдесят.

– Нет, он старше. Он нашего с тобой возраста. А точнее, был нашего возраста еще на войне.

– Да, такие детали забываются. Ему, должно быть, лет пятьдесят пять или пятьдесят шесть.

– Он в штате? – настойчиво продолжал расспрашивать Холдейн.

Леклерк покачал головой.

– Не прошел квалификацию. У него прерванный стаж. После войны он пошел служить в контрольную комиссию по германскому вопросу. А когда ее деятельность свернули, пожелал остаться в Германии. Думаю, это потому, что у него жена немка. Он обратился к нам, и мы взяли его на договор. Будь он штатным сотрудником, нам бы не хватило денег, чтобы держать его в Гамбурге. – Он отхлебнул из чашки по-женски аккуратно. – Десять лет назад у нас было тридцать резидентов в разных странах. Теперь осталось всего девять. Нас лишили даже собственной курьерской службы. Все, кто был на совещании, прекрасно об этом осведомлены, но почему-то никто не делает скидку на подобные обстоятельства.

– Как часто от него поступают донесения о перебежчиках?

Леклерк пожал плечами.

– Я не читаю всей его корреспонденции, – ответил он. – Твои люди знают лучше. Конечно, их стало заметно меньше после возведения Берлинской стены и закрытия границы.

– Мне показывают только самые интересные материалы. И этот доклад из Гамбурга – первый за весь год. Вот почему я всегда считал, что у Гортонна есть какая-то другая работа.

Леклерк покачал головой. Холдейн спросил:

– Когда подходит срок продления его договора?

– Этого я не знаю. Просто не знаю.

– Он, вероятно, сейчас сильно встревожен. Его увольнение предусматривает выплату денежного вознаграждения?

– Это всего лишь контракт на три года. Никакого вознаграждения. Никаких премий или пособий. Правда, у него есть возможность продолжать работу и после шестидесяти, если он все еще будет нам нужен. У внештатных работников есть свои мелкие преимущества.

– Когда договор с ним продлевался в последний раз?

– Тебе лучше спросить у Кэрол. Должно быть, года два назад. Или чуть раньше.

Холдейн напомнил:

– Так что ты говорил о засылке туда нашего человека?

– Я как раз встречаюсь сегодня с министром по этому поводу.

– Ты уже отправил на задание Эвери. Тебе не следовало этого делать.

– Но кому-то надо было лететь. Или ты хотел, чтобы я обратился в Цирк?

– Эвери позволяет себе дерзости, – пожаловался Холдейн.

Струи дождевой воды бежали по желобам вдоль крыши, оставляя потеки на запылившихся снаружи оконных стеклах. Казалось, Леклерку даже хотелось, чтобы Холдейн продолжал, но тот замолчал.

– Я еще даже не знаю, как министр воспринял смерть Тейлора. Он будет расспрашивать меня об этом, и мне придется высказать свое мнение. Никто из нас, конечно, толком ничего не знает. – Его голос обрел прежнюю силу. – Но он может дать мне команду – это совершенно не исключено, Адриан, – он сам может распорядиться, чтобы мы заслали туда своего человека.

– И что же?

– Предположим, я тогда попрошу тебя быстро сформировать оперативный отдел, провести анализ, подготовить документы и оборудование. Предположим, тебе будет поручено срочно найти, обучить и отправить агента. Ты сможешь?

– Ни слова не говоря Цирку?

– Не вдаваясь в детали. Нам могут понадобиться кое-какие их возможности. Но это не значит, что мы обязаны описывать им картину в целом. Это классический вопрос безопасности: об операции должны знать только те, кому это необходимо знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.